

18+

КРИСТИНА АМАРАНТ

БУДЬ МОЕЙ
Царой

Кристина Амарант

Алина Лис

Будь моей парой

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67314609

SelfPub; 2022

Аннотация

Красивый и богатый, наглый и испорченный Раум ди Форкалонен – мечта всех девчонок в магической академии. Он не вызывает у Дженни ничего кроме злости, вот только мысли рядом с ним разбегаются, а тело плавится и горит от его прикосновений.

Есть ли что-то ужаснее, чем попасть в полную зависимость от бесстыжего демона? А если на другой чаше весов будет жизнь и свобода? Кто она для него – игрушка? Или... все же нечто большее?

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ! По сравнению с первой книгой тут все куда романтичнее и нежнее. Так что если вы ждете жестокостей и сексуального экстрима, то вам не сюда.

Второй том трилогии "Будь моей..."

Содержание

ГЛАВА 1	4
ГЛАВА 2	13
ГЛАВА 3	23
ГЛАВА 4	30
ГЛАВА 5	37
ГЛАВА 6	47
ГЛАВА 7	54
ГЛАВА 8	64
ГЛАВА 9	72
ГЛАВА 10	79
ГЛАВА 11	89
Конец ознакомительного фрагмента.	95

Алина Лис, Кристина Амарант Будь моей парой

ГЛАВА 1

– Я сказала “нет” и вот... – она осеклась, не зная, как продолжить. И нужно ли продолжать? И так все понятно.

В комнате повисло потрясенное молчание. Подруга ничего не говорила, только смотрела на нее с суеверным ужасом. И еще... с жалостью?

Дженни стиснула кулаки.

– Прекрати! Не нужно меня жалеть!

Вэл отвела глаза.

– И что ты будешь делать?

В ее голосе звучало потрясение. Для тихой домашней девочки Вэл лишиться поддержки семьи и родных, получить клеймо изгоя – страшнее, чем оказаться искалеченной.

Рыжая волчица упрямо встряхнула головой.

– Жить. Учиться. Работу найду. Наладчики стационарных чар нужны везде. Я все равно не хотела возвращаться в Сиие горы. Там так скучно...

Ложь. Она хотела вернуться в стаю. Не представляла иной судьбы, только рядом с волками Маккензи. Сердце сжимало от тоски и страха перед будущим. Нет ничего завидного в доле изгнанника. Один на один с обстоятельствами, невзгодами, озлобленным миром. Без клана, каменной стеной стоящего за спиной, но с выжженным на руках клеймом отступника, которое ставят только за самые гнусные преступления.

И не объяснишь каждому встречному, что свою метку ты получила незаслуженно, несправедливо, по вине самонадеянного мальчишки.

Не послушают. Она и сама не стала бы слушать раньше. Дженни было страшно.

Она уже не раз пожалела о своем импульсивном отказе у алтаря. Наверное, Чарли был бы не худшим мужем. Наверное, Дженни однажды даже сумела бы простить его за предательство.

Но все уже случилось. Ничего не исправить, и нет смысла плакать. Даже если очень хочется.

– Думаю, придется перевестись, -призналась девушка.

– Что?! – Вэл вздрогнула. – Перевестись? Куда? Зачем?!

– В Вестфилдский магтехнологический колледж.

Дженни оживилась. Да, половину вчерашнего дня она потратила на слезы и сожаления. Но когда истерика пошла на спад, ей удалось не только успокоиться и взять себя в руки, но и придумать отличный план действий.

– Мое обучение в Аусвейле оплачено до конца года. Мак-

кензи я или не Маккензи – уже не важно. За этот год я должна набрать максимальное количество баллов по всем предметам и стать лучшей. Сейчас я в десятке, но первое место даст мне право претендовать на стипендию в Вестфилде. Образование, конечно, не такое престижное, как в Аусвейле, но оно востребовано. Без работы не останусь.

План Б подразумевал поиск работы, но он не нравился Дженни. Кому она будет нужна с двумя курсами общей магической подготовки, без специализированных знаний? Разве что секретарем возьмут.

А она, определенно, способна на большее.

– Уедешь... – расстроено пробормотала Вэл. – А как же я?

Дженни со вздохом обняла подругу.

– Я тоже не хочу переводиться. Но в Аусвейле мне полную стипендию не получить.

На дотацию претендовать можно. Обучение Дженни, как отличницы, и так частично покрывалось из фондов. Но все квоты на бесплатные места в самом престижном учебном заведении империи давно выбраны.

Нет, как ни больно бросать все, к чему уже приросла сердцем, все же придется покинуть и кампус, и шумный, бурный, кипящий жизнью Нью-Эбор. Если Дженни и увидит снова ночные улицы в россыпи неоновых огней, строгие шпили академии и хмурое небо над заливом, то лет через пять, не раньше. Когда получит диплом и приедет искать работу.

Одно хорошо. Уехав на другой конец страны она будет избавлена от необходимости регулярно видеть Чарли. И Раум больше не сможет ее преследовать.

Отчего-то от последней мысли стало еще грустнее. И слезы снова подкатили под горло.

– А может... – сильфа замялась. – Не говорить им?

Умолчать, скрыть от Маккензи правду о том, как Дженни отказалась выполнить приказ будущего главы стаи? Упростить Чарли не сообщать родным? И пусть продолжают платить...

– Нет, – скривилась девушка. – Во-первых, это нечестно. Они же думают, что я потом вернусь и отдам долг, работая для клана.

Охранные чары по периметру поселка то и дело давали сбой. Да и освещение, водоотвод – все это давно нуждалось в обновлении. Но установка и наладка новых чар стоила недешево, поэтому Маккензи ежегодно вызывали специалиста из ближайшего городка, чтобы тот подправил старое плетение где можно и влил энергии.

– Вот выучишься, и устроишь нам все по последнему слову магии, – шутил Оуэн Маккензи, когда Дженни, вернувшись летом на родные земли, завела разговор о замене.

“А во-вторых, они все равно узнают, когда я приеду летом”, – повисли в воздухе несказанные слова.

Что скажет мама, когда узнает, как облажалась ее единственная дочь?

Два выжженных клейма на тыльной стороне ладоней – перереченный круг. Знак для любого волка, что перед ним отступник. Изгой, нарушивший законы клана. Дженни нервно покосилась на лежащие на столе тонкие шелковые перчатки, которые стянула, чтобы продемонстрировать подруге свое несчастье. Глупо, но снова захотелось надеть их. Ощутить пальцами тонкую ткань, спрятаться за ней от неприглядной реальности.

– Так что буду работать и копить деньги, – с преувеличенным энтузиазмом закончила девушка. – Кстати, надо бы продать билеты. Не знаешь кого-нибудь, кто купит их за нормальную цену?

Вэл склонилась, вглядываясь в два плотных прямоугольника с тиснением.

– Это же... это...

– Ага!

– “Нежные упыри”, – зачарованно пробормотала сильфа название, заставляющее девичьи сердца сладко сжиматься. – Первый концерт после воссоединения! – она вскинула голову и неверяще уставилась на подругу. – Ты продаешь билеты на “Упырей”?

– Продаю, – небрежно кивнула Дженни.

Жалко, конечно. Но от воспоминания каким путем они ей достались, накатывала легкая брезгливость. Кроме того, золото ей сейчас нужно куда больше музыки. Вряд ли Маккензи захотят поддерживать изгнанницу деньгами, а жить на

что-то надо.

– Я куплю их! – заявила сильфа. – И по полной цене!

Она решительно потянулась за чековой книжкой и выписала чек на тысячу золотых.

Дженни поперхнулась.

– Вэл, ты что делаешь?!

Неправильно брать с друзей деньги за подобные вещи. Тем более что тысяча за два билета – это слишком много. Даже сейчас, за несколько дней до концерта, можно купить вдвое дешевле.

Опять Валента за старое! В первые недели их дружбы сильфа то и дело порывалась заплатить за свою куда более стесненную в средствах подругу, но Дженни пресекала это решительно и с большим недовольством.

Она не нищая и не собирается паразитировать на Вэл!

– Покупаю билеты, – подруга сцапала оба прямоугольничка и подтолкнула чек в сторону Дженни. – Возьми! Возьми, я все равно их уже забрала и тебе не верну! Мое!

– Ну ладно, – вздохнула девушка, пряча чек в кошелек.

– Вот и хорошо, – сильфа хитро улыбнулась. – Кстати, я ненавижу ходить на концерты в одиночестве. Сразу чувствуешь себя неудачницей.

– Так возьми с собой кого-нибудь. Там же два билета.

– Возьму, – тоненький пальчик, уперся в грудь Дженни. – Ты идешь со мной, и это не обсуждается!

– Дженни!

Оборотень возник внезапно, словно вырос из-под земли. От неожиданности девушка вздрогнула и шарахнулась в сторону.

Подловил все-таки! За последние несколько дней Чарли уже раз пять порывался поговорить с ней, но Дженни успешно избегала встречи.

– Погоди, не беги! Надо обсудить то, что случилось.

– Нечего обсуждать, Маккензи, – ответила Дженни, стараясь, чтобы голос звучал безразлично и ровно.

– Дженни... – он сглотнул. – Ты понимаешь, я не хотел! Я никогда не думал...

На его красивом открытом лице застыло несчастное, виноватое выражение. Как у пса, который ластится, выпрашивая прощения. Аж язык зачесался ответить что-нибудь вроде: “Ты вообще редко думаешь”, но девушка сдержалась.

Зачем? Что это даст?

Она смотрела на Чарли и не чувствовала даже злости. Только удивление: как она могла столько лет не понимать очевидного? Не замечать, что герой ее грез – обычный мальчишка. Трусоватый, хвастливый, незрелый и слабый.

Да, слабый. Это не бросалось в глаза в стае, где все волки по умолчанию принимали его, как вожака. Но здесь, в большом городе, в окружении тех, для кого имя Чарльза Маккензи ничего не значило, он терялся. Превращался из сильного и великодушного альфы в неуверенного в себе паренька

с большими амбициями. Конечно, для него, привыкшего ко всеобщему уважению и послушанию, это было обидно. Не зря Чарли из кожи вон лез, чтобы доказать сокурникам, чего он стоит.

И жизнь Дженни стала жертвой на алтаре раненого самолюбия мальчишки.

Он еще что-то лепетал, доказывал, бормотал, что все исправит. А она молчала. Просто молчала и смотрела, и под ее взглядом оборотень все больше смущался. Прятал глаза, заговаривался и терял мысль. И, кажется, уже сам был не рад этой встрече.

– Все уже случилось, Чарли, – со вздохом сказала девушка, прерывая невнятный поток оправданий и извинений. – Ничего не исправить.

– Ты меня ненавидишь, да? – горько спросил оборотень.

– Нет.

Ненависть – сильное чувство. А у Дженни не осталось для Чарли сильных чувств.

Девушка обошла его по широкой дуге и продолжила путь к учебному корпусу. В спину понеслось: “Подожди! Дженни, послушай, я... Скажи только слово и я...”

– ... и я все исправлю, – тихо закончил оборотень, глядя ей в спину, блестящими от влаги глазами.

Она не обернулась. Так и шла по аллее – платье в зеленую клетку, рыжее пламя распущенных волос и гордо выпрямленная назло всем невзгодам спина. Чарли провожал

ее взглядом и чувствовал, что теряет. Необратимо и безвозвратно, с каждой минутой, с каждым шагом она становится все дальше. Подруга по детским играм, первая любовь, его маленькая Дженни, всегда готовая поддержать и восхититься, уходит из его жизни.

Оборотень стиснул кулаки.

– Я все исправлю, слышишь! – выкрикнул он. – Соберу совет клана, скажу им...

Но и тогда она не обернулась.

ГЛАВА 2

– Добрый день, юная леди. Как настроение? – доктор Мактулл сегодня просто излучал бодрость и оптимизм.

– Нормально.

Нормально не было. Настроение последние дни скакало от полного отчаяния до искусственного воодушевления, когда Дженни почти удавалось убедить себя, что все случившееся – только к лучшему. Клан ограничивал ее, подрезал крылья. Одна и в большом городе она сможет добиться куда большего.

Убедить получалось плохо, но Дженни старалась изо всех сил.

В рамках этой борьбы с собственным малодушием она и выбралась в госпиталь. После всего, что случилось в субботу, проблемы с Раумом казались незначимой мелочью, но раз уж деньги все равно уже уплачены, хорошо бы узнать, что происходит. Потому что Ди Форкалонен рано или поздно вернется из поездки, а семьи у Дженни больше нет и просить защиты от преследования не у кого.

– Отлично! – целитель с воодушевлением подмигнул – Присаживайтесь.

– Так что со мной, доктор? Что выявили анализы?

– Присаживайтесь, – настойчиво повторил Мактулл, ука-

зывая на кресло. В глубине его карих глаз Дженни почудилось сочувствие, и сердце провалилось куда-то в район желудка. Что, все так плохо?

– Сразу скажите: сколько мне осталось? – фыркнула она, плюхаясь в кресло. Беззаботный тон дался на удивление легко, несмотря на то, что на душе скреблось с десятков кошек. – Когда назначать похороны?

Доктор в ответ усмехнулся

– Лет через сто пятьдесят, если повезет. Я – целитель, а не гадалка. А вот по поводу вашего запроса...

Дженни напряглась и вся обратилась вслух.

– У меня для вас хорошие новости. Вы встретили свою пару.

Слова железной кувалдой обрушились на мозг, вышибли все мысли, чувства. Несколько мгновений Дженни сидела, бестолково хватая ртом воздух. Потом вздрогнула всем телом и потрясенно уставилась на доктора.

– Пара, – просипела она чужим надтреснутым голосом. – Это Раум ди Форкалонен – моя пара?!

Нет, нет и еще раз нет! Только не это!

Истинная пара – самая омерзительная вещь, которую дуря-природа надумалась сотворить со своими детьми-волками. Есть ли что-то более унижительное и ужасное, чем раствориться полностью в мужчине? Стать жалким придатком, безмолвно сносить любые издевательства, насмешки и даже побои, не смея слово сказать против. Это не любовь, это

какая-то болезнь! Ненормальная привязанность, почти рабство, на которое оборотня обрекает собственная физиология. И ради чего?!

Ради детей – так считалось среди волков. Оборотни верили, что дети от истинной пары сильнее и умнее, чем рожденные в добровольных браках. В некоторых кланах волчат с детства учили, что встретить спутника, дарованного луной, – самое большое счастье для волка.

Быть может, если оба в паре оборотни, это и счастье. Быть может, в таких браках действительно рождаются особенные дети. Но что если природный механизм сойдет и выберет чужака другой расы?!

Тогда получаются такие, как Дженни.

Сильнее и умнее других волчат? Ха, если бы! Вот она – живой пример, что легенды врут. Слабачка, полукровка, неспособная к обороту. Ради чего ее мать в свое время бросила клан и уехала в загазованный и неуютный человеческий город? Ради чего сносила равнодушие, брань, а позже даже удары вечно пьяного ничтожества?!

И Дженни будет такой же?! Тоже превратиться в безропотную тень рядом с недостойным мужчиной? Рядом с ди Форкалоненом?! О Богиня!

Ее затошнило от этой мысли.

– ... я не ошибся? Дженнифер!

– А?! – она ошалело помотала головой и поняла, что сидит уже какое-то время, уставившись перед собой невидя-

щим взглядом. Кажется, доктор Мактулл что-то сказал?

– Я говорю: речь о том самом Рауме? Единственный сын Леонарда ди Форкалонена, наследник медийной империи?

Послать его, чтобы не лез не в свое дело? Только сплетней о ней с Раумом ей не хватало!

Но... вдруг целитель сможет помочь? Подскажет, как уничтожить это отвратительное влечение? Тогда ему нужно знать подробности.

– Да, – она поморщилась, как от зубной боли. – Но это ведь останется между нами, доктор?

– Конечно, – он серьезно кивнул, потом побарабанил пальцами по столу. – Думаю, вам нужно это знать. После вашего прошлого визита было несколько попыток подкупа администрации лечебницы с целью получить доступ к вашей истории болезни. Не волнуйтесь, – поспешил он успокоить враз побледневшую девушку. – Как я уже говорил, мы гарантируем клиентам полную конфиденциальность. Но судя по всему, это были люди от вашего... кхम्म... молодого человека?

– Он не мой... – вяло попробовала возразить Дженни. А потом сникла. – Да... скорее всего.

Раум же говорил, что “приглядывает” за ней. И вряд ли демон занимался этим сам. Скорее всего, какие-то нанятые им детективы.

– Но... вы ведь им не сказали?!

– Нет, конечно, – целитель нахмурился. – У нашей служ-

бы безопасности налажен жесткий контроль за всеми подобными случаями.

– Этого недостаточно, – пробормотала она. – Если он не сможет получить бумаги за деньги, то выкрадет. Раум ни перед чем не остановится!

– Вы уверены, что хотите скрыть это от своего молодого человека? – уточнил Мактулл.

– Я уже говорила – он не мой. И да, конечно, я хочу скрыть! Еще не хватало, чтобы Раум... – при мысли, что демон может узнать об абсолютной власти, которую злая шутка природы подарила ему над Дженни, девушку снова затрясло.

– Но вы пошли на первую привязку. Значит, он вам небезразличен.

– Что?!

– Первая привязка, – терпеливо, как ребенку, пояснил доктор. – Обручение, когда пара обменивается кровью. Чаще всего перорально. После ритуального обмена гормональный статус партнеров подстраивается друг под друга. Это усиливает влечение и увеличивает вероятность зачатия. Хотя... в вашем случае подстройка, скорее всего, будет односторонней. У демонов нет истинных пар, следовательно нет и соответствующих инстинктов.

– Обмен кровью?! О, Богиня! – Дженни схватилась за голову.

Ну да. Демон же тогдализал ранку на ее теле. А потом напоил своей кровью. Она даже не сопротивлялась – вот ду-

ра-то!

Истинная пара... А ведь это все объясняет! Ясно почему она превращается рядом с Раумом в покорную глину – лепи что хочешь.

От этой мысли стало как-то легче. Это не Дженни долбанутая извращенка, это просто взбесившиеся гормоны. Проклятая физиология оборотня, доставшаяся от матери. Нет бы что полезное унаследовать...

– А что дальше? – выдавила девушка, чувствуя себя морально раздавленной, просто уничтоженной. – Вы сказали “первая привязка”. Значит, есть и вторая?

Целитель кивнул.

– Есть. Это секс. Не обряд в храме, а именно близость делает пару супругами перед луной и солнцем, ветрами и степью.

– У Маккензи говорят “луной и горами”, – зачем-то встала Дженни.

– Вербальная формула может меняться, но смысл неизменен. Обряд в храме нужен скорее для других рас, чтобы утвердить союз в глазах официальных властей. По закону волков избранные луной становятся супругами после первой близости. Правда... боюсь, что в вашем случае брак будет односторонним. То есть вы после секса будете замужем, а вот демон по-прежнему останется свободен.

– Ну охренеть, – выдавила Дженни. Опустила голову и устала на свои руки, затянутые в черные перчатки. Пер-

чатки она теперь носила постоянно – прятала отметины изгнанника, как струпья прокаженного.

– А... – внезапная мысль заставила ее вздрогнуть и поднять взгляд. – Если была близость, но без... – тут она густо залилась краской и замолчала.

– Без чего? – собеседник приподнял бровь. Его лицо выражало только вежливый интерес и готовность помочь.

Ладно, он же врач, для него это все – работа. Но Богиня, как же стыдно! Как вообще можно с кем-то обсуждать то, чем они с Раумом занимались в машине?!

– Без проникновения... – выдавила девушка.

– Это не считается, – Мактулл снисходительно улыбнулся. – Также, как оральный или анальный секс. Священный брак считается заключенным только после близости, от которой возможно зачатие и никак иначе.

– Ясно, – выдохнула Дженни, пряча глаза от стыда. Она не считала себя стесняшкой, но сухие слова доктора отчего-то заставили ее щеки запылеть. По телу прокатилась жаркая волна, а в воображении замелькали какие-то размытые, но дико похабные картинки. И еще некстати вспомнился хриплый искушающий шепот на ухо: “Ты не представляешь сколько еще всего интересного можно сделать в постели. И не только в постели”.

Так! Стоп! Это все не Дженни, это взбесившиеся гормоны, злая шутка матушки-природы.

С минуту девушка сидела молча, собирая обрывки раз-

розненных мыслей. В душе все еще ощущался неприятный тоскливый холодок. К и без того немалому грузу проблем добавилась еще одна. Какой счастливой и беспечной была ее жизнь всего три недели назад, когда единственной заботой было вовремя сдать лабораторную работу!

– Последний вопрос, – со вздохом произнесла девушка. – Это влечение... От него можно как-нибудь избавиться?

Скорее всего, нет. Ей не приходилось слышать ни о чем подобном.

– Избавиться от связи, освященной луной? – целитель изумленно развел руками. – Вы шутите, юная леди? Нет, конечно. Священные браки заключаются однажды и на всю жизнь.

– Но у нас пока не брак!

По крайней мере, в отсутствии ди Форкалонена Дженни совершенно не страдала от того, что демона нет рядом. Проклятая привязка начинала работать только рядом с Раумом.

Мактулл сочувственно улыбнулся

– В теории вы можете просто расстаться. Пока брак не заключен, ваша потребность в паре проявляется только рядом с избранником. Но подумайте как следует, госпожа Рейд. Близость ни с одним другим мужчиной не подарит вам и десятой доли таких эмоций. Отвергнув дар луны, вы будете вынуждены жить с ощущением, нехватки в вашей жизни чего-то очень важного. И, говорят, что луна умеет убеждать упрямцев, а это значит, что рано или поздно судьба снова

сведет вас с этим мужчиной.

Девушка мотнула головой, отмахиваясь от увещеваний. Все это мило, но доктор Мактулл просто не представляет, насколько Раум ди Форкалонен невыносимая сволочь.

“Я всегда приглядываю за своей собственностью” – зазвучали в ушах самоуверенные слова демона, и Дженни чуть было не рассмеялась. А ведь демон был прав. Она действительно его собственность в каком-то смысле. Безропотная игрушка, предназначенная покорно сносить любые унижения. Снова вспомнился орущий пьяный отец, и девушку перередило от отвращения.

Нет! Дженни не позволит этому случиться! Ей не нужны эти священные браки, превращающие свободную волчицу в тряпку, о которую можно вытирать ноги!

– Спасибо, доктор, – искренне сказала девушка. – Вы мне очень помогли. А сейчас я хочу, чтобы вы уничтожили любые записи обо мне.

– Но...

– Раум не отстанет, он привык получать то, что хочет, – она стиснула кулаки и взглянула Мактуллу прямо в глаза. – Он все равно найдет способ добраться до моих бумаг. Кто еще, кроме вас, знает результаты анализов?

– Никто. Образцы сдаются анонимно, под цифровым кодом.

– Тогда уничтожьте бумаги, – под его сочувственным взглядом, девушка сбилась и заговорила торопливо, с умо-

ляющими нотками. – Вы не понимаете! Он и так все время рядом крутится, а если узнает, то... Пожалуйста, доктор!

Мактулл слушал ее беспорядочные излияния и уговоры с бесстрастным видом, кивая то ли Дженни, то ли своим мыслям. Аргументы кончились, паника все сильнее овладевала мыслями. Дженни вскочила, готовая набросится на доктора и трясти его за грудки, требуя уничтожения бумаг.

– Хватит, юная леди.

– В конце концов, я отвалила вам кучу денег за консультацию! И это мое дело, что делать с полученными данными. Вы не имеете права...

– Хватит, я сказал! – целитель повысил голос. – Сядьте и послушайте меня!

Она снова опустилась в кресло, прожигая его злым взглядом.

– Уничтоженные бумаги вызовут слишком много вопросов. Куда проще заменить их на поддельные. У вас же мономорфия, правильно я понимаю, госпожа Рейд? Давайте так и запишем, что вы обращались за дополнительными обследованиями по этому вопросу.

– Давайте, – теперь ей стало стыдно. Что она тут устроила? Наорала на взрослого оборотня и уважаемого специалиста, закатила истерику, как ребенок, который не получил игрушку. Тьфу, стыдобища. – Извините. Просто... это все...

– Ничего страшного, – Мактулл успокаивающе улыбнулся. – Это моя работа.

ГЛАВА 3

Сегодня в столовой было не протолкнуться. Отстояв очередь на раздаче и получив комплексный обед, Дженни замерла, выискивая свободное местечко. И тут же увидела Вэл, которая отчаянно махала ей руками с другого конца зала. Рядом с сильфой наблюдался пустой стул, которой она насадкой над цыпленком обороняла от прочих студентов.

– Спасибо, – поблагодарила Дженни сгружая поднос на стол рядом с подругой. – Кстати, отлично выглядишь.

Это была истинная правда, сегодня Вэл просто цвела. Бледно-голубое платье чуть светлее ее глаз, выгодно скрывало отсутствие груди и подчеркивало хрупкость девушки. Светлые волосы пышными локонами сбегали по плечам, на губах сияла таинственная улыбка.

Сильфа вообще похорошела, расставшись с Арманом. Немного набрала вес и уже не смахивала на ходячее пособие по анатомии. Округлились щечки, в глазах появился шальной огонек. Вместо тощей затравленной девицы, перед Дженни сидела миниатюрная красотка, похожая на сказочную фею.

Сколько же издевательств на самом деле скрывали их “отношения”, если, вышвырнув вампира из своей жизни, Вэл так изменилась всего за три недели?

– Правда? – подруга порозовела от смущения и удовольствия. – А у нас новый преподаватель по практике управления воздушными потоками. И он тако-о-ой!

Все, Вэл прорвало. За следующие пятнадцать минут Дженни узнала гораздо больше подробностей о внешности, достижениях и биографии почтенного магистра Ануэрта, чем когда-либо хотела.

“Влюбилась, – констатировала она про себя. – Снова”

Хорошо это или плохо? С одной стороны, безусловно, хорошо. Новая любовь поможет окончательно стереть из мыслей подруги мерзкого подонка. А с другой... знать бы что этот Ануэрт из себя представляет. Послушать Вэл, так магистр – средоточие мыслимых и немыслимых достоинств. Но в свое время об Армане подруга отзывалась примерно так же и в тех же выражениях...

Мысли от личной жизни подруги как-то незаметно перетекали к собственным проблемам. Дженни вспоминала визит в клинику, размазывала по тарелке гороховое пюре и отчаянно боролась с желанием все рассказать.

Выговориться, попросить совета, утешения. Разве не для этого существуют подруги?

Нет. Нельзя. Никто, кроме нее и доктора Мактулла, не должен даже догадываться о власти, которую Раум способен получить над Дженни. Иначе рано или поздно по закону подлости демон узнает. И, можно не сомневаться, сделает все, чтобы превратить обручение в сакральный брак.

А дальше... дальше будет хуже, чем у Вэл с Арманом. Полная зависимость, рабство без возможности уйти или сказать “нет”.

Нет, лучше молчать.

– Ой... – осеклась Вэл и немного растерянно добавила. – Арман.

Дженни обернулась, проследив за взглядом подруги, и наткнулась на вампира. Тот сидел за столиком в компании пары дружков и сверлил их злым взглядом.

– Ох и кто у нас тут такой бледненький, кто такой маленький? – засюсюкала она, комментируя невнятные рваные джинсы и кожаную куртку в заклепках, в которых бывший бойфренд Вэл здорово походил на не слишком свежий труп оборотня – именно так одевались городские сородичи Дженни. Разве что повязки с черепами на голове не хватает.

Вот только мускулистым от природы оборотням такой прикид шел – подчеркивал отличное сложение и телесную мощь. А на субтильном вампире смотрелся неказисто.

Вместо того чтобы возмутиться, как бывало раньше, когда Дженни позволяла себе язвительные комментарии в адрес Армана, сальфа хихикнула.

– Как будто ограбил пьяного, – с воодушевлением присоединилась она к издевательствам.

– Зато все видят, что в душе он оборотень, – ядовито добавила Дженни. – Гордый, никем не понятый волк.

Вэл патетически закатила глаза:

– Бунтарь и романтик. Совсем один, против холодного и равнодушного мира.

Они хором расхохотались. Дженни снова бросила короткий взгляд на Армана через плечо и смех замер на губах – столько неприкрытой ненависти было написано на его лице. Явно понял, что смеются именно над ним. Очередной удар по и без того ушибленному самолюбию.

А ведь у вампира и так достаточно причин для пакостей. Вряд ли он простил Дженни давешнее унижение. Лучше не дразнить его лишний раз – покровительство Раума не вечно, а защиты клана у Дженни больше нет.

– Знаешь, – Вэл не заметила перемены в ее настроении. – Мне кажется, ты права. Он же постоянно одевается, как оборотень. Причем именно как волк. И пиво пьет. Футбол любит. Помню, как-то по пьяни он мне жаловался, что мол, другие вампиры его не принимают, потому что он не такой, как все. А еще, – тут в глазах сильфы загорелся мстительный огонек, – у него есть белье с волками.

– Что?! – оторопела от эдаких подробностей Дженни.

– Ага, представляешь. Такие brutальные черные трусы. И спереди стразиками вышита морда волка.

Несмотря на данное только что самой себе обещание не смеяться над вампиром, она снова рассмеялась. Безудержно, до слез. Нехорошо, конечно, но как утерпеть?

Завибрировал постогограф Вэл. Сильфа уткнулась в него, прочла сообщение и подняла виноватый взгляд на Дженни.

– Прости, мне надо бежать. Встречаюсь с напарником по поводу лабораторной работы.

– Конечно, иди, – вздохнула девушка, снова возвращаясь к гороховому пюре и мрачным мыслям. Что же все-таки делать с Раумом? Наверное, лучше всего подать документы о переводе уже сейчас. Правда, ей может не хватить баллов на стипендию, но если собрать характеристики у преподавателей...

– Веселишься?

Вампир подкрался сзади и теперь нависал над девушкой. В устремленных на Дженни налитых кровью глазах читалось что-то жуткое. Такой, что захотелось забиться под стол и завыть.

Вместо этого Дженни гордо выпрямилась и встряхнула головой.

– Уже нет, ты немного опоздал д'Крессен. Теперь я просто обедаю.

Арман неприятно улыбнулся.

– Знаешь, а ведь твоего защитничка нет в стране. И вернется он не раньше чем через две недели.

Чувство опасности усилилось, стало почти нестерпимым. Руки внезапно вспотели и по спине поползли противные ледяные мурашки.

– Но вернется же, – беспечно отозвалась девушка.

Главное не показывать – ни словом, ни жестом не показывать, насколько ей на самом деле неуютно и страшно рядом

с ним. Стоит вампиру это понять, и он не отстанет.

Его ухмылка стала еще более гнусной.

– И ты больше не Маккензи.

– Откуда... – она осеклась. Арман все равно не скажет, откуда узнал о том, что случилось в прошлую субботу. Наверное, близнецы не сдержали языки на привязи. Или жрец проболтался.

Дженни вздохнула. Надо бы помириться с вампиром. Она не может позволить себе тратить силы на ожидание подвоха с его стороны. И без того слишком много проблем.

– Послушай, Арман. Извинение не было моей идеей. Не знаю, зачем Рауму понадобился тот спектакль, но я не хотела от тебя извинений. Ничего не хотела, только чтобы ты отстал. Давай просто забудем и сделаем вид, что незнакомы.

Помириться не получилось. При напоминании о давешнем унижении лицо Армана исказила злобная гримаса.

– Неважно, – прочти прошипел он, нависая над Дженни. – Ты мне за все заплатишь, подстилка ди Форкалонена!

– Эй, полегче! – девушка брезгливо отстранилась и стряхнула его руку со спинки стула. – Ладно, продолжай носиться со своими обидками, только мне на них плевать. Ты просто смешон.

Последние слова попали в цель. В глазах вампира вспыхнула такая ослепительная ярость, что Дженни снова стало страшно.

– Тебе недолго осталось смеяться, стерва!

– Иди куда шел, д’Крессен. Не порть мне аппетит своей мерзкой рожей.

К ее удивлению, Арман как-то резко успокоился и улыбнулся, оскалив клыки.

– Скоро, потаскушка, – с каким-то тайным удовольствием пропел он. – Уже совсем скоро. Посмотрим, как тебе понравится то, что я приготовил.

– И что же?

Небрежность в ее голосе не обманула Армана. Тот явно просек, что сумел зацепить жертву, поэтому только ухмыльнулся.

– Увидишь.

ГЛАВА 4

На залитой огнями сцене с инструментами в обнимку скакали юноши – прехорошенькие и ухоженные, словно девицы на выданье. Тщательно уложенные и завитые волосы, бархатные камзолы в кружеве и стразах. Белый грим и тщательно пририсованные клыки не делали юнцов менее смазливymi.

За спинами самозванных “упырей” то взлетал почти к самому потолку, то снова опадал фонтан из белых искр, осыпая музыкантов дождем иллюзорных снежинок. Плыли клубы белесого дыма, окутывая фигуры исполнителей мистическим ореолом.

А в сумрачной темноте зрительного зала творилось стоптвopение. Вакханалия, бесчинство. Безумствовали и визжали девушки и женщины – всех рас, всех возрастов. Каждый эффектный жест, каждое движение кумира сопровождал стон на тысячи голосов в унисон.

И Дженни, поддавшись всеобщему настроению, визжала, танцевала и прыгала, захваченная детским чувством восторга. Сотни раз слышанные в записи слова песни отзывались в душе сладким холодком, как в первый раз. Где-то высоко, под самой крышей крутились светящиеся шары, разбрасывая сотни разноцветных бликов на бурлящую и беснующуюся толпу.

Поначалу они с Вэл пытались держаться вместе, но скоро человеческая масса разнесла их. И ладно! Потом встретятся. Сейчас важнее как следует оторваться на главном концерте года! Когда еще будет такая возможность?

Бодрая танцевальная мелодия сменилась прочувственным медляком, и девчонки в зале восторженно взвыли, узнав композицию. Те немногие, кто пришли со своими молодыми людьми, немедленно обнялись. Остальные чуть потеснились и сбились в кучу у края танцпола, с завистью поглядывая на счастливиц.

Дженни внезапно стало грустно, словно кто-то внутри переключил невидимый тумблер. Если бы все пошло так, как она планировала, она была бы здесь сейчас с Чарли. И, несомненно, он бы пригласил ее на медленный танец.

Стало почти до слез жаль утраченных иллюзий. Того наивного восторга, который она могла бы испытать, кружась с оборотнем в обнимку.

Зачем он все испортил?

Она закусила губу и поняла, что злиться на бывшего друга за то, что разочаровалась в нем. Богиня, как же это глупо. Глупо и так по-женски...

Настроение окончательно испортилось. Да еще, как уже не раз бывало в последние дни, некстати включилось звериное обоняние. Ядреный запах чужого пота, духов, резкая вонь искусственного дыма, вспышки света – от всего этого заломило виски. Дженни поморщилась, заткнула нос и нача-

ла пробираться к выходу.

*Прекрасна ты, моя принцесса грез -
Во сне, не ведая судьбы, что бродит рядом.
На алом бархате плаща, моя отрада,
Пыльцою черною я смерть тебе принес.*

Пели солисты на два голоса за спиной. Парочки танцевали, а девицы, пришедшие без молодых людей, взялись за руки и принялись раскачиваться в такт музыке. Вот на одной вздернутой вверх ладошке вспыхнул магический огонек, и тут же этот жест подхватили другие – все, кто умели делать “светлячка”. Танцпол засиял сотнями покачивающихся огоньков.

Дженни уже добралась до выхода и заколебалась на мгновение. Зал походил на ночное море: покачивающиеся силуэты зрительниц, как волны, огоньки, как отражение звездного света в воде. Толпа манила, звала. Нырнуть снова в нее, слиться, заразиться чужим восхищением и забыть о собственных бедах.

Солист скинул камзол, оставшись в полупрозрачной шелковой рубашке, несколько не скрывающей его божественной мускулатуры, и зал взорвался восторженным визгом, переходящим в ультразвук. Дженни пригнулась, схватила за уши и навалилась всем телом на дверь.

Створка захлопнулась за спиной, отсекая толпу, музыку, запахи, визги. Яркий свет резанул глаза, заставил прищуриться. После концертного зала холл показался Дженни удивительно пустым. Она постояла несколько минут, приходя в себя. Музыка и голоса исполнителей по-прежнему доносились из-за стены, но уже совсем негромко, приглушенно.

*И сладострастия пронзает тело ток.
Открою вены и, тебя обнявши крепко,
Я пригублю напиток алый, терпкий.
Струею льется сладостный поток.*

Отчего-то на этих строчках вспомнился Арман, и Дженни передернуло. Песня показалась вдруг нелепой и гадкой, как и маскарад “под вампиров”. Да посмотрите на настоящих вампиров – ничего привлекательного. Кожа бледная и холодная, никаких мускулов и клыки выпирают. Гадость!

Возвращаться совсем расхотелось. Ладно, концерт все равно вот-вот закончится, еще одна, максимум две песни и финал. Тогда в холле начнется то же, что сейчас твориться в зале.

Подождать Вэл тут? Не факт, что у них получится найти друг друга в такой толпе. Куда проще будет встретиться с подругой в их любимой пиццерии на соседней улице.

Дженни наскоро набросала сообщение через постогограф, забрала плащ в гардеробной и направилась к выходу. Взгляд

равнодушно скользнул по охране, и про себя девушка отметила, что секьюрити как-то очень много. Еще и собака с ними... Тыфу ты, это не собака, а сородич-оборотень в истинном облике. Вот ведь работка... Собачья, можно сказать.

Девушка уже шагнула к магическому контуру на двери, когда оборотень вострепнулся, повел носом и зарычал. Негромко, но отчетливо.

Остальные охранники тоже вскочили, переглянулись, а потом двое преградили Дженни дорогу.

– Что у вас в сумке, юная леди?

Ну он бы еще спросил сколько звезд на небе! Можно подумать она помнит все барахло, которое с собой таскает.

– Носовой платок, пудреница, постограф... Ну, и все такое.

Второй секьюрити подхватил ее под локоть и вроде бы аккуратно и вежливо, но совершенно непреклонно потянул в сторону к специальному столику для обыска.

– Нам бы хотелось убедиться.

– Убеждайтесь.

Она выдернула руку из захвата, фыркнула и вывалила содержимое сумки на стол. Мятные леденцы, пачка салфеток, тетрадь с конспектом по теоремам, которую Дженни забыла выложить, флакон духов и еще сотни других мелочей, для которых всегда находится место в женской сумочке.

– Это все? – терпеливо спросил охранник.

– Ну да, – кивнула Дженни, с сомнением оглядывая горку

вещей. – А в чем дело-то?

Вопрос он проигнорировал. Только поднял пустую сумку и швырнул своему коллеге.

– Дейв, проверь.

– Эй, да что происходит?! – возмутилась девушка.

Это уже переходит все границы. И разве задача охранников заключается не в том, чтобы обыскивать идущих на концерт, а не с него?

Не обращая внимания на протестующие возгласы, второй охранник профессионально ощупал свою добычу. Пальцы замерли у края надорванной подкладки.

Дженни поморщилась от досады. И как она умудрилась порвать сумку, даже не заметив этого?! Теперь еще зашивать придется.

Пальцы охранника, затянутые в тонкие нитяные перчатки, нырнули за подкладку и вернулись с прозрачным пакетиком, наполовину заполненным буро-красным порошком. Оборотень, сидевший на полу, вскочил и снова зарычал.

– Смотри-ка, что мы нашли, – с очевидным удовлетворением в голосе протянул охранник.

– Что это? – глупо спросила Дженни, вглядываясь в пакетик. Как странно. Неужели она все это время таскала эту фигню под подкладкой и даже не подозревала об этом?

– Это у вас нужно спросить, юная леди, – в сощуренных глазах секьюрити мелькнула насмешка.

– Я не знаю. Это не мое.

– Ну конечно, – протянул первый охранник. – Тебе подбросили, – он хохотнул и добавил, обращаясь к своему напарнику. – Сколько раз мы слышали эту песню, Дэйв?

Дэйв вместо ответа поднял ее студенческий билет, вчитался и укоризненно покачал головой.

– Такое приличное учебное заведение, а туда же. И чего вам всем не хватает?

– Я не понимаю о чем вы...

Что за хрень сейчас происходит? Это розыгрыш или Дженни попала в какой-то дешевый фильм про полицейский произвол? Хотя... они ведь даже не полицейские, просто охранники. Или нет?

– Кто вы вообще такие?!

Вместо ответа, секьюрити достал кожаную книжечку и ткнул Дженни в лицо символ Бдящего – глаз, заключенный внутри пирамиды. Под эмблемой сияли позолоченные буквы УБР.

– Управление по борьбе с наркооборотом, специальный отдел имперской службы безопасности. Дженнифер Рейд, вы задержаны по подозрению в хранении и распространении наркотиков.

ГЛАВА 5

Адвокат походил на крысу. Невысокий, лысоватый, с острым носом и залысинами на черепе силф не понравился Дженни с первого взгляда. И с каждым словом неприязнь только усиливалась.

– Мне очень жаль, Дженнифер, но все факты против вас. При облаве у вас найдено два с половиной грамма “Огненной пыли” – этого уже достаточно, чтобы получить от десяти до двадцати пяти лет каторги. Более того, при обыске в вашей комнате под матрасом обнаружено еще почти шесть грамм. Это уже не хранение и употребление, а распространение, – он выразительно развел коротенькими ручками. – Если будете заператься, присяжные при таких уликах без колебаний решат “виновна”, а судья назначит смертную казнь. Поверьте, прецедентов более чем достаточно.

– И что вы предлагаете? – мрачно спросила Дженни.

Настроение плавно снижалось от “отвратительно” до “хуже некуда”. После ночи в маленькой душевой камере, забитой проститутками, мелкими воровками и бродяжками всех сортов, девушка ощущала себя грязной. Тело невыносимо чесалось. Выспаться под жалобы и переругивания соседок так и не удалось. Дженни вообще плохо засыпала на новом месте, а тут еще в голове не умолкая крутились беспорядоч-

ные мысли.

Как спать, когда душу раздирает тревога перед будущим, гнев на бестолковых копов и раздражение из-за собственной беспомощности, а вся выдержка уходит на то, чтобы не удаться в панику?

Экспертиза подтвердила, что неизвестный бурый порошок и есть та самая “Огненная пыль” и Дженни в один миг превратилась из задержанной по подозрению в преступницу, ожидающую суда.

И кому какое дело до того, что обвиняемая в глаза не видела эту “пыль”, даже не представляла, как может выглядеть.

“Огненная пыль”... Самый дорогой в мире наркотик, способный подарить блаженство, сделать тебя властелином вселенной. Только в мечтах, разумеется, но кого это волнует, когда грезы, созданные порошком неотличимы от реальности?

Дженни всегда старалась держаться от подобной дряни как можно дальше. Даже пила редко и по чуть-чуть, пример отца был слишком наглядным. Как же получилось, что она сейчас сидит в отделении полиции, арестованная за хранение и продажу наркотиков?

Конечно она пыталась протестовать. Еще когда Дженни только привели в отделение, когда снимали отпечаток ладони и ауры, брали пробу крови и проводили другие малоприятные процедуры, которые обычно проделывают с преступниками.

– Вы не имеете право запереть меня просто так!

– Имеем. По закону, мы можем задержать подозреваемого на сутки без предъявления обвинения, – зевнув, сообщил офицер. Он тоже был оборотнем, но в глазах сородича Дженни не читала ни малейшей симпатии. Скорее наоборот: после того как ей пришлось снять перчатки, офицер обращался с девушкой, как с преступницей, чья вина уже доказана. Да, он был вежлив, но сколько неприкрытой издевки и враждебности стояло за этой вежливостью.

– Я требую адвоката! По закону я имею на него право.

Адвоката ей тогда не дали, вместо этого проводили в камеру, где Дженни провела бессонную ночь, тщетно убеждая себя, что все это недоразумение, которое непременно разрешится. Надо только подождать до утра.

А утром пришел вот этот самый похожий на крысу адвокатишка. И начал склонять Дженни подписать чистосердечное признание.

– Я ни в чем не виновата!

Сидевший рядом с сильфом коп – смуглый почти до черноты красноволосый джинн – скривился.

– Улики говорят об обратном. Откуда у вас “пыль”?!

– Мне подбросили.

Офицер скептически улыбнулся.

– Придумайте что-нибудь получше. Так говорят все наркоторговцы, когда их ловят с поличным.

– Я ни в чем не виновата! – упрямо повторила девуш-

ка, чувствуя, как проваливается в какую-то пропасть, полную чернящих, безнадежных мыслей. Окружающие словно не слышали ее. – Я никогда в жизни не притрагивалась к этой дряни. Напишите в академию, попросите мою характеристику. У меня отличная репутация, хорошие оценки, востребованная специальность. Зачем мне это?!

– Зачем? – коп переплел пальцы и уставился на Дженни чуть выпуклыми глазами. – Например, затем, что клан изгнал вас, Дженнифер Рейд, а это значит, что больше некому платить за ваше содержание и будущую востребованную специальность. Судя по характеристике, предоставленной куратором группы, вы умны и инициативны, а также привыкли сами решать проблемы. Вот и решили подзаработать подобным образом на учебу и красивую жизнь. Среди адептов академии достаточно скучающих богатеньких идиотов, готовых выложить за “пыль” немалые деньги.

Адвокат одобрительно кивнул, явно поддерживая слова офицера, и в комнате повисла тишина.

– Вы действительно так думаете? – потрясенно выдавила девушка после паузы.

– Ну да, – сверкнул идеальными белыми зубами джинн. Сильф безмятежно улыбнулся.

– Совершенно неважно, что думаю я или офицер Такшери, юная леди. Меня, например, вообще не волнует виновен мой подзащитный или нет. Важно, что именно такую версию прокурор представит суду присяжных.

– Но это неправда! Я собиралась переводиться в Вест-филд... у меня хорошие оценки, я могла бы получить стипендию...

– У вас есть какие-нибудь доказательства этого намерения? – оживился адвокат.

Дженни покачала головой. Рано. Она собиралась заняться первичным сбором бумаг на следующей неделе, после концерта.

– Я говорила Вэл! – вспомнила она. – Валента Иньес, моя подруга...

Он покачал головой.

– Слабый, очень слабый аргумент. Свидетельство о намерениях со слов обвиняемого ничего не даст. Дженнифер, – его тон стал сочувствующим, даже участливым, – я понимаю и во многом разделяю ваши чувства. Но вы должны осознать серьезность ситуации. Торговля “Огненной пылью” приравнена его демоническим величием к числу особо опасных преступлений, наравне с массовыми убийствами, терроризмом и предательством империи. Мягкого приговора по подобным делам не выносится, можете ознакомиться с протоколами за последние десять лет. Суд не делает скидки на юный возраст или пол виновного. Смертная казнь или пожизненная каторга – вот ваше будущее, если вы не прислушаетесь ко мне.

– И что вы предлагаете? – устало спросила девушка.

Она ощущала себя вымотанной и грязной. Мысли пута-

лись от еле сдерживаемой паники. У Дженни никогда в жизни не было проблем с копами. У отца случались приводы – драки по пьяни, дебоши, но Дженни ни разу не приходилось иметь дело с законом. Даже если и происходили какие-то мелкие проступки с ее стороны, все всегда решалось внутри клана. Маккензи не любили впутывать чужаков...

Маккензи. Если бы не ее отказ Чарли, сейчас можно было бы воззвать к клану. Семья наняла бы лучшего адвоката, не этого бесплатного сморчка, положенного ей по закону, а нормального профессионала. Волки поручились бы за нее, встали горой, как всегда вставали за своих.

Как же глупо, как неправильно это все. Еще и адвокат с офицером наседають с двух сторон. И это пугающее чувство, что Дженни упускает что-то жизненно важное...

– Чистосердечное признание облегчает наказание. Особенно если обвиняемый согласен сотрудничать со следствием и назвать своих поставщиков, – коп сделал выразительный знак бровями.

– Но я никого не знаю... мне подкинули... – начала было Дженни. И задохнулась от возмущения, когда до нее дошло, на что намекал этот ублюдок. – Что?! Вы хотите, чтобы я кого-то оговорила?! Вы в своем уме?! – она вскочила, вперила руки в бока и с яростью уставилась на джинна.

– Сядьте, – смуглое лицо скривилось в жесткой усмешке. – Или мне придется приковать вас наручниками к стулу.

– Никто не требует, чтобы вы оговаривали невиновных,

Дженнифер, – зажурчал успокаивающий и доброжелательный голос сильфа. – У офицера Такшери и полиции к вам предложение.

– Я слушаю, – выдавила Дженни, снова опустившись на стул.

Происходящее все больше казалось затянувшимся кошмарным сном, до ужаса реальным и подробным. И проснуться никак не получалось.

– Есть оптовые поставщики “пыли”. Их вина несомненна, но доказать ее в суде почти невозможно. Косвенных улик недостаточно, чтобы убедить присяжных.

– Подумайте, – подхватил речь адвокат. – Ваше свидетельство поможет осудить негодяев и спасти множество жизней. Кроме того, мы оформим это как сделку с полицией, что послужит смягчающим обстоятельством.

– Откуда я могу знать, что они действительно виновны?

Пол зашатался под ногами. Она не ослышалась?! Полицейский и адвокат только что хором предложили ей не просто признать вину, которой не было, но и лжесвидетельствовать в суде?!

– Вы не доверяете полиции, Рейд? – оскорбился коп.

– Дженнифер, не забывайте, что на кону ваша жизнь, – жестокость своих слов сильф постарался скрасить успокаивающей улыбкой. – Я могу гарантировать, что, заключив сделку, вы получите в худшем случае условный срок. К готовым сотрудничать преступникам суд гораздо мягче. Кроме того,

если устраивать громкое слушание, ваше имя прополощут во всех газетах. Вы этого хотите? Очень трудно найти работу, если тебя судили за продажу наркотиков, уж вы-то должны понимать, что подобного сотрудника никогда не возьмут в приличную организацию. Да и на мечтах о стипендии можно сразу ставить крест...

– Но... – взгляд заметался по комнате, перепрыгивая с лица бледного остроносого личика на обшарпанные деревянные панели, тяжелую дверь с решеткой и снова на лицо. Суровое смуглое с чуть торчащими из-под черных губ клыками. Мысли путались в панике, и никак не получалось понять, что же такое важное Дженни упускает...

– Мне надо подумать.

– Нет времени на раздумья, Рейд, – жестко сказал полицейский. – Сегодня я подписываю бумаги для окружного прокурора. Нам надо знать, как оформлять вас.

– Дженнифер, как ваш адвокат я настоятельно рекомендую воспользоваться щедрым предложением полиции. Другой подобной возможности просто не представится.

– Тогда нет!

Дженни помотала головой, словно стряхивая липкую паутину из угроз и обещаний.

Вот оно! То, что она чуть было не упустила!

Добрый и злой коп, которые поют хором, как по нотам. Угроза жизни, свободе и репутации. Легкий выход, когда достаточно подставить вместо себя другого. И еще необходи-

мость решать прямо сейчас, немедленно. Чтобы не осталось ни единой возможности задуматься, все взвесить и трезво оценить. Все это слишком напоминало ловушку.

А даже если и нет, она не будет участвовать в оговоре.

– Нет?! – нахмурился офицер.

– Тише, тише, – замахал руками адвокат. – Я уверен, девушка просто не так выразилась. Дженнифер, вы не понимаете...

– Я так выразилась, – голос дрожал от ярости, не от страха. – Я не буду лжесвидетельствовать. А если вы попыгаете на меня давить, расскажу о нашем разговоре в суде присяжным.

– И кто тебе поверит? – насмешливо хмыкнул коп.

– Тогда газетчикам! – неожиданно осенило ее. – Им это понравится.

По тому, как помрачнело лицо офицера Дженни поняла, что попала в цель.

– И я требую другого адвоката.

– У вас нет права на смену защитника.

– Значит обойдусь без него, – она встала, с трудом удерживаясь, чтобы не плюнуть в крысиное личико. – Вы, как вас там? Голдмен, да? Вы уволены.

Мужчины переглянулись.

– Ладно, Джон, – лениво протянул офицер. – Пойду закрою ее в карцере. Пусть подумает над своим поведением. Готов спорить, через пару дней она станет хорошей девоч-

кой.

ГЛАВА 6

Мосластая охранница отперла дверь и подпихнула Дженни сзади.

– Давай, красотка, вот твой императорский люкс на сегодня, – она хохотнула над своей немудреной шуткой.

Заглянув внутрь, девушка отшатнулась. Крохотное помещение с затхлым, воняющим нужником воздухом. Из мебели – только рассохшийся табурет. Закрытое решеткой окно под потолком, размером с ладонь почти не давало света, а влага на стенах неприятно напоминала слизь.

– Я не хочу!

– Куда ты денешься? Нечего было бузить, – женщина силой втокнула Дженни внутрь и захлопнул дверь. Девушка немедленно замолотила по обитому железом дереву кулаками и ногами.

– Откройте! Вы не имеете права! Я ничего не сделала.

– Начальству виднее, – отозвался глумливый голос с той стороны, и послышались удаляющиеся шаги

Девушка обмякла, навалившись на дверь. Отчаяние, которому она последние сутки яростно сопротивлялась, снова заговорило, вливая в душу яд самых черных и безнадежных мыслей, лишая сил к сопротивлению.

А где-то внутри на одной тоскливой жалобной ноте звучал

волчий вой. Впервые в жизни Дженни услышала свою волчицу так отчетливо. Зверь рычал и скулил, требуя свободы. Волчице не нравилось тесное, слишком маленькое помещение, похожее на склеп. Не нравилась запертая дверь, ощущение несвободы. Вырваться, разметать, разор-р-рвать!

– Заткнись! – осадила ее Дженни. – Не смей!

Та затихла, притаилась тенью где-то в глубинах души. Неприрученная, чужая, непокорная до конца даже своей человеческой половине.

Дженни прижалась горящим лбом к железному листу. Страх волчицы успокоил, помог справиться с силами, вынырнуть из омута беспросветного отчаяния.

Да, у нее больше нет семьи, денег, свободы. А что есть?

Достоинство. Гордость. Самоуважение. И много-много фамильного упрямства.

Не так уж и мало, если подумать.

– Все будет хорошо, – хрипло прошептала девушка, цепляясь за эти слова, как за последнюю соломинку. – Ты сильная, Дженни, ты справишься. Ты что-нибудь придумаешь.

Придумает. Обязательно придумает. Завтра.

Она опустила на табурет и уставилась перед собой глазами, полными непролитых слез. Хотелось разрыдаться, по-детски выплакать отчаяние, страх перед будущим, горькую обиду на несправедливость мира. Но незримая плотина в душе не давала пролиться слезам.

Так Дженни и сидела молча, съежившись. Пока не уснула.

Проснулась она от лязга засова. Вскинула голову и застонала от боли. Все мышцы затекли и теперь отчаянно болели, а в голове ощущалась неприятная тяжесть, будто с похмелья.

Дверь распахнулась, на пороге стояла охранница. Не вчерашняя – новая. Пухлая, розовощекая и низкорослая. В руках женщины был поднос с железной миской и кружкой.

– Обед, – жизнерадостно объявила она.

В миске оказалась серая каша – несоленая и отчего-то воняющая рыбой, а в кружке жидкий чай.

– Долго меня будут здесь держать? – мрачно спросила девушка, ковыряя ложкой неаппетитное месиво.

Охранница развела руками.

– Это уж как начальство решит. Обычно-то за драки на пару дней сажают, не больше, если не покалечила никого.

– Я не дралась!

Та только плечами пожала.

– Значит, на охранника напала. Просто так в карцер никого не запирают.

Слова охранницы сработали как волшебный переключатель. Помогли отвлечься от бестолковой жалости к себе, подсказали как нужно действовать. Следующие несколько часов Дженни отчаянно вспоминала все, что знала о пеницитарной системе Империи. Вспомнить удалось до обидного мало. Главное правило, которое зазубрил любой подданный его демонического величества: в случае проблем с законом сле-

дует вызывать адвоката. Если денег на личного адвоката нет, государство даст муниципального.

Но кое-какие обрывки знаний у Дженни все же были, не зря она одно время любила читать детективы.

– Я хочу связаться с родными, – сказала девушка, когда сменщица толстухи принесла очередную порцию серой каши. – По закону мне обязаны предоставить возможность отправить сообщение!

Пусть клан отвернулся от нее, пусть от Чарли и Вэл нет никаких вестей, но есть мама. Мама поможет и поддержит всегда. Дженни не хотела к ней обращаться. До последнего надеялась, что получится все скрыть и справиться самой. Но молчать и дальше, рискуя свободой, глупо.

Охранница, чем-то неуловимо напоминающая бульдога, злорадно фыркнула.

– Это к адвокату, красотка, – она смерила девушку неприязненным взглядом. – Мы люди маленькие.

– Хорошо, я требую адвоката!

Раз нет права на смену защитника, придется заставить этого выполнять свои обязанности как следует.

Встречу организовали на удивление быстро. Крысоподобный силф встретил Дженни, потирая руку.

– Рад, что вы одумались, Дженнифер! Я уже подготовил все необходимые бумаги, осталось только подписать...

– По какому праву и на каком основании меня держат в карцере? – с порога надела на него девушка, даже не взглянув

на бумаги.

– Дженнифер, послушайте...

– Нет, это ВЫ послушайте! – она с размаху ударила кулаком по столу. Голос скакнул вверх, в нем прорезались истеричные нотки, и это заставило Дженни сбавить тон. Нельзя давать волю эмоциям, если она хочет выбраться отсюда. С истеричкой никто не будет разговаривать. – Почему мне не дали возможность отправить сообщение близким? Я знаю свои права! Я подданная империи, мои родственники платят налоги...

– Родственники, которые отреклись от вас? – насмешливо спросил сильф, выразительно покосившись на клеймо. – Дженнифер, вы еще очень молоды и неопытны, поэтому ждете, что все будет так же, как в синематографе. Не будет. В жизни все сложнее. Если подследственный готов сотрудничать, у него одни условия. У упрямцев – совсем другие, вы уже имели возможность оценить разницу. Вот, – он подтолкнул в ее сторону протоколы. – Подпишите бумаги и я провожу вас в комнату с терминалом.

Девушка сжала кулаки, задыхаясь от нестерпимо-острого возмущения.

– Вы... вы... Это шантаж!

– Я ваш адвокат, Дженнифер. Я пытаюсь помочь.

– Значит, – дрожащим от ярости голосом спросила она, – если я не подпишу, вы просто не дадите мне связаться с родными?

– Помилуйте, откуда такие мысли? Конечно дам, но позже. Сейчас терминал неисправен. Да и с кем вы станете связываться, Дженнифер? – его голос звучал сочувственно. – Клан изгнал вас еще до ареста. Неужели вы ждете, что теперь они захотят вступиться?

– Вы же мой адвокат! Вы должны действовать в моих интересах!

– А я и действую. Подпишите бумаги, Дженнифер, – сильф заговорил ласково, словно убеждал маленького ребенка съесть еще ложечку за папу. – И я добьюсь для вас перевода в другую камеру, с кроватью. Возможно, даже сумею устроить так, чтобы вас выпустили под залог.

Под его доброжелательным взглядом девушка медленно потянулась к бумагам. Законник ободряюще кивнул и протянул перо.

– На каждом листе, внизу, – подсказал он.

Дженни зло ухмыльнулась, а потом, глядя адвокатской сволочи прямо в глаза, с наслаждением порвала бумаги на мелкие клочки и швырнула за спину.

– Я. Ничего. Не буду. Подписывать! – выговорила она, четко артикулируя каждое слово. – А о вашем давлении обязательно узнают газетчики.

Глаза на крысином личике сверкнули злобой, но это выражение тотчас сменилось на притворное сочувствие.

– Что ж, очень жаль. Прямо очень-очень жаль. Больно видеть, как такая прелестная девушка своими руками роет себе

могилу. Боюсь, вы просто не представляете насколько ужасными могут быть условия содержания.

Появившаяся на зов охранница подтолкнула Дженни к выходу. Стоило огромных усилий не вырваться, не заехать с левой в глаз продажной сволочи-адвокатишку. Только мысль о том, что потом, когда эта ситуация станет достоянием гласности, драка помешает привлечь мерзавцев к ответу, удержала девушку от глупостей.

ГЛАВА 7

Дженни думала, что ее вернут в карцер, но охранница отвела ее в общую камеру – не ту, в которой девушка провела первую ночь, но такую же маленькую и тесную. Заключенных здесь было меньше – всего трое. Мужиковатая толстуха и две потасканные женщины неопределенного возраста. На голове у одной криво сидел черенявый парик в форме стрижки-карэ, пегие волосы второй напоминали пучки пакли.

При появлении новенькой все трое обернулись и пристально уставились на Дженни нечеловечески круглыми желтыми глазами. Девушка сглотнула и невольно попятилась. Не почудился ли ей этот хищный огонек в глазах товаров по несчастью?

Что может быть хуже карцера? Оказаться запертой в одной камере с тремя шакальими самками.

– Глянь, Марта, – визгливым голосом начала обладательница парика. – Какую цыпочку к нам привели.

Толстуха ухмыльнулась какой-то сальной и совершенно мужской ухмылкой.

– Красуля, – согласилась она густым басом. – Черный не соврал.

– Иди-ка, деточка, – просюсюкала третья, подманивая Дженни узловатым пальцем.

Подходить ближе к этим ведьмам совершенно не хотелось. Профессию первой и третьей выдавала излишне откровенная и вульгарная одежда, а вторая, несмотря на габариты, отнюдь не казалась неповоротливой и безобидной. Скорее уж она напоминала мощного и приземистого борца-тяжеловеса.

И выражение лиц всех троих Дженни решительно не нравилось.

– Тебе сказали – подойди! – рыкнула толстуха, по-собачьи обнажив клыки.

Девушка выдохнула и сжала кулаки, загоняя страх глубже, на самое дно души.

– Зачем?

– Посмотрим на тебя, – хмыкнула обладательница парика. Толстуха неприятно осклабилась.

– Не подойдешь – за волосы приволоку, сучка, – бросила она. Это не было угрозой. Она просто информировала, что произойдет дальше.

Дженни чуть не взвыла от отчаяния. Надежда на то, что с соседками по камере удастся найти общий язык стремительно таяла. А еще ее посетило неприятное подозрение, что оборотни знали, кого к ним приведут. И, возможно, даже получили инструкции от охраны, как надо обращаться с новенькой.

Ее начала бить легкая нервная дрожь, как бывало не раз в детстве в преддверии потасовки. Драки всегда были нерав-

ными – бить волчицу человеческие дети предпочитали компанией от трех до пяти человек. Меньше был риск огрести – Дженни дралась отчаянно, не щадя ни себя, ни противника.

Именно с тех детских времен она запомнила, что нельзя убегать – не поможет. Разделятся, загонят, отпинают – уже усталую, вымотанную и испуганную.

А сейчас и бежать было некуда.

Она выдохнула и качнулась вперед, на ходу вспоминая приемы борьбы, которым научилась от Чарли. Оборотень сначала спорил, кричал, что сам защитит “сестренку” от любой беды, но потом сдался и показал несколько эффективных захватов и ударов. Не факт, что этого хватит, но лучше, чем ничего...

Женщины пялились на Дженни, и эти пристальные взгляды показались ей вдруг отвратительными, липкими. Хуже, чем у иных мужиков. Толстуха причмокнула губами.

– Не бойсь, не обидим, милашка, – протянула она и повела носом, принюхиваясь. – Пахнет свежим мясом. Черный говорил: ты волчья сучка?

Ну точно – знали. Знали и ждали, что Дженни окажется здесь, запертая с ними одна на троих!

– Она отброс, – процедила пегая, ткнув пальцем в клеймо на руке.

– Что вам нужно? – спросила Дженни, едва осознавая, что сама говорит. Ее трясло, каждый нерв был напряжен до предела, тело закаменело в ожидании драки – беспощадной,

кровавой, до последнего. Все инстинкты вопили: пусть противников трое, пусть каждая из них сильнее в несколько раз – проиграть нельзя. Уступишь и они превратят тебя в ничто, вытрут ноги, унизят так, что жить дальше не захочешь и не сможешь.

Особенно пугал жадный, совершенно мужской интерес, с которым на нее пялилась толстуха.

Воздух в камере казалось сгустился и дрожал от скрытого напряжения, грозя вот-вот прорваться чем-то нехорошим, страшным.

– Познакомиться, соседushка, – хихикнула обладательница парика.

– Значит так, рыжая, – толстуха чуть раздвинула губы, демонстрируя клыки. – Я – Бешеная Марта и я тут главная сучка. Пока ты тут, я решаю с кем ты спишь, что ешь и чем занимаешься. Это понятно?

Дженни тупо кивнула. В голове крутились недоуменные вопросы по поводу “с кем ты спишь”. В каком смысле – с кем? В камере шесть коек, а их только четверо, нет нужды с кем-то делить постель...

– Тогда встала на колени и сделала мне массаж ног. Быстро!

– Массаж ног? – тихо переспросила девушка, понимая, что это только начало.

Первый этап, почти невинное задание. Если она послушается, дальше будет хуже. Страшнее, унизительнее. И можно

согласиться, безропотно принять все, что предложит глумливая фантазия соседок по камере. Вытерпеть, остаться живой и невредимой. Пострадает лишь гордость.

Или взбрыкнуть? Послать эту Марту, нарваться на неизбежные побои. И неизвестно ограничиться ли дело только побоями. Человеческое тело так легко искалечить.

Может, все же получится договориться по-хорошему? Так, чтобы она никого не трогала и ее не трогали?

“Нет, – поняла Дженни, ловя садистское предвкушение на похожем на картофелину лице толстухи. – Не получится”

Выбирай, Дженни. Здоровье или гордость? Что пострадает сильнее, что заживет раньше? Тебя ведь не просто так посадили именно сюда, к трем шакалихам, а их не просто так предупредили, что совсем скоро появится строптивая девушка, которую хорошо бы проучить.

Она еще раз взглянула на толстуху и поняла, что уже выбрала. От обреченности и страха свело желудок.

– У меня есть идея получше. Как насчет массажа челюсти?

Дженни еще договаривала, а кулак уже летел на встречу с чужим лицом. Удар отозвался вспышкой боли в костяшках, голова толстухи мотнулась, а в следующую минуту девушка отскочила в угол, нырнув между двумя стоящими почти впритык койками.

Главное не дать им навалиться всем сразу, одновременно.

– Ну все, шлюшка! Ты труп!

Глаза троих женщин вспыхнули от нечеловеческой ярости.

сти, толстуха сплюнула сквозь зубы, прошипела многоэтажную непристойность и сгорбившись поперла на Дженни. Девушка сжалась, выставив перед собой кулаки. Тело ломало от ужаса и предчувствия боли. Против настоящего оборотня у Дженни с ее куцыми обрезками способностей нет шансов...

Бросок. Смазанный, почти молниеносный. Такой, что едва ли заметит человеческий глаз – так умеют двигаться только высшие расы. И вдруг время застыло. Замерло, растеклось по пространству камеры.словно в синематографе внезапно засбоила перемотка. Дженни услышала над ухом полный ярости рык и лишь мгновение спустя поняла, что рычит она сама. В крови вспыхнула ярость – веселая, хмельная, выжигающая гнилой страх.

Эта же ярость наполнила девушку легкостью и силой. словно под кожей запрыгали сотни огненно-горячих искорок, делая тело пластичным, неестественно гибким и сильным. Дженни вспрыгнула на койку, легко уходя от удара, и пнула толстуху ногой в грудь.

Треск ломающихся костей. Полный нестерпимой муки вой. Огненный ореол, отчего-то вспыхнувший на мгновение вокруг тела и внезапный ужас в глазах двух оставшихся женщин.

От удара толстуха отлетела в другой конец камеры, ударилась о стену и сползла по ней, словно куль с тряпьем. Две другие противницы отшатнулись, с ужасом глядя на Дженни.

А потом одна завизжала на противной, нестерпимо высо-

кой ноте, а вторая бросилась к двери и заколотила в нее.

“Никто не откроет, – отстраненно подумала Дженни, все еще не осознавая до конца случившееся. – Охрана знает, что меня здесь должны “учить””.

Но она ошиблась. Дверь распахнулась почти сразу. На пороге, поигрывая дубинкой, стояла мосластая охранница.

– Чего орем? – недовольно спросила она, перебивая визг пегой шакалихи.

Та резко замолчала, всхлипнула и ткнула в Дженни дрожащей рукой.

– Она... она...

– Она убила Марту, – проскулила ее подруга, указывая на безжизненное тело толстухи.

Дальше все запомнилось урывками. Камера наполнилась охранниками. Несмотря на то что Дженни и не думала буйствовать, на нее надели наручники.

Чуть позже появились два здоровенных мужика в белых халатах. Они сгрузили толстуху на носилки и унесли. Из коротких реплик, которыми обменивались медики, Дженни поняла, что женщина все еще жива и чуть не расплакалась от облегчения.

Потом был допрос, на котором офицер Такшери снова и снова спрашивал, что побудило Дженни напасть на сокамерницу.

– Я не нападала, – упрямо повторяла девушка. От недосы-

па и недавно пережитого стресса слипались глаза. Хотелось на кровать – хотя бы на узкую тюремную койку. Чтобы свернуться клубочком и задремать. – Это была самооборона.

– Ваши соседки утверждают обратное.

Она пожалала плечами, ощущая только усталость и апатию. Даже вопрос что именно произошло в камере, и как у Дженни получилось нанести удар, который по силе и скорости сделал бы честь любому волку, отступил, затерялся под грузом эмоций. А ее снова допрашивали, совали в лицо какие-то бумаги и требовали поставить подпись.

– Катитесь в Бездну, офицер, – пожелала ему Дженни.

– Ты хоть понимаешь, как плохи твои дела, Рейд? На тебе теперь не только торговля наркотиками, но и покушение на убийство.

Она уже ничего не понимала. Не хотела понимать, просто уперлась, как упиралась всегда, когда на нее пытались давить слишком сильно, и молчала, готовая умереть, но не уступить.

Неизвестно сколько бы это все продолжалось, если бы не завибрировал постогограф, вызывая куда-то джинна.

– Даю последний шанс, – сказал он перед уходом. – Думай до завтра, девочка.

Дженни вернулась в карцер и потянулись однообразные бесконечные часы, заполненные безнадежностью, тоской, бессильной злостью и мечтами о справедливости.

Она не знала сколько часов прошло. Здесь, в каменном мешке время утрачивало смысл. Какое время дня на воле –

утро или вечер? Сколько дней уже Дженни в заключении? Сгустившаяся за засиженным мухами окошком серая муть не давала ответов.

Стационарный антимагический контур давил на психику, мягко, но неустанно. Даже в те минуты, когда Дженни забывала о его существовании, она ощущала его присутствие, словно тяжелый мешок, взваленный на плечи. Волчица в душе молчала или скулила и выла, требуя свободы. Хотелось спать – просто зверски хотелось вытянуться на нормальной кровати и выспаться. Еще больше хотелось есть – Дженни никогда не была капризна в еде, но от одного вида тюремной каши к горлу подкатывала тошнота.

Тело под одеждой невыносимо чесалось. Но душ, нормальная еда и постель строптивым узникам не полагались.

Время тянулось и тянулось, бесконечно. Девушка то сидела, запрокинув голову, и разглядывала крохотное оконце, словно надеялась увидеть в нем кусочек прежней вольной жизни, то вскакивала и принималась кружить по камере, как запертый в клетке зверь.

Три шага. Стена. Поворот. Снова три шага. Обитая железом дверь. Поворот.

Душа металась между яростью загнанного в угол зверя и тоскливым отчаянием. Дженни рвалась сражаться, действовать, но драться было не с кем, а ожидание выматывало почище самой тяжелой работы.

Что с толстухой? Выживет ли она? Если нет, то получится

ли доказать в суде, что это была всего лишь самооборона?

Может нужно уступить? Согласится на предложение похожего на крысу сильфа, пока не поздно? Может, он действительно не желал ей зла, когда уговаривал заключить сделку. Полиция не станет склонять просто так к оговору, да и адвокат должен быть заинтересован в оправдании своей подопечной.

Дженни мотала головой и гнала прочь предательские мысли, но в тишине и безделии они возвращались снова, нашептывая о соблазнительном и таком легком пути на волю.

Пусть бы все это уже кончилось! Как угодно, лишь бы поскорее!

ГЛАВА 8

Девушка сидела на табурете и клевала носом, когда уже знакомый лязг засова вырвал ее из тоскливой апатии.

– Дженнифер Рейд? – уточнила похожая на бульдога охранница, с таким видом, словно в карцере был еще кто-то кроме Дженни. – На выход. К тебе посетитель.

В душе вспыхнула какая-то сумасшедшая надежда и радость. Посетитель? Охранница сказала “посетитель”, значит, это не адвокатская сволочь!

Дженни прошла до уже знакомой комнаты свиданий, гадая, кто бы это мог быть. Хорошо бы Вэл? Сильфа наверняка заволновалась, когда подруга не пришла на встречу в пиццерию. А вдруг – Чарли? Богиня, если это Чарли, если он поможет, Дженни простит ему все. И собственные разбитые мечты, и применение Императива, и встраивание в его разборки с демоном. Она даже замуж за оборотня пойдет, в конце концов он, наверное, действительно будет не худшим мужем...

– Привет, детка.

Раум ди Форкалонен, в белом костюме от известного модельера, в черной шелковой рубашке с бриллиантовыми запонками и часами за сотню тысяч золотых смотрелся в обшарпанном интерьере комнаты свиданий неуместнее, чем

национальная святыня в привокзальном мужнике.

– Ты? – неверяще выдохнула Дженни. – Но ты же уехал...

Внезапно закружилась голова – то ли от недосыпа, то ли просто от переживаний. На подгибающихся ногах, Дженни добралась до стула и плюхнулась, не отрывая взгляда от демона. Словно боялась, что стоит моргнуть, как он исчезнет.

– Все закончилось немного раньше, как видишь, – он странно усмехнулся. – А ты, я смотрю, время не теряла, Дженни-сто-и-одна-неприятность.

– Нет, как видишь, – в тон ему ответила девушка.

Больше всего ей сейчас хотелось повиснуть у демона на шее и разрыдаться. Просто потому, что Раум пришел из прежней, нормальной жизни. Он сам – как свидетельство того, что где-то еще существует нормальная жизнь, что мир не полностью сошел с ума, не вывернулся наизнанку, превратившись в большую фантазию криминального журналиста.

Но их отношения с демоном, какими бы странными и в чем-то близкими они ни были, не позволяли подобного. Да и сам Раум не рвался в утешители.

Но ведь зачем-то он пришел к ней. Пришел, когда все другие отrekliсь и бросили.

– Итак, – его взгляд замер на клеймах на руках Дженни. – Ты теперь изгнанница, Дженни-совсем-не-Маккензи?

– Bravo! Если бы за констатацию очевидных вещей давали воинские звания, ты бы сразу получил капитана, – ядовито ответила девушка.

Радость от его появления растаяла быстрее снега на жарком солнце. Не похоже, что демон собирался ей помочь, тогда зачем он здесь? Хочет воспользоваться ситуацией?

Если так, то нельзя расслабляться и показывать слабость.

– И все так же дерзишь, Дженни-острый-язычок... – с задумчивым восхищением протянул беловолосый. – Слушай, я уехал всего на две недели, а ты что устроила?

– Я устроила? – опешила девушка.

– Ну не я же. Нет, я все понимаю, но торговля наркотиками? – Раум осуждающе покачал головой. – Seriously, детка?

Он издевается, вот точно издевается!

Но на ярость уже не осталось сил, поэтому она просто отрицательно качнула головой.

– Меня подставили.

– В суде ты тоже это скажешь?

– Скажу, – Дженни в упор посмотрела на демона. – Ты пришел посмеяться?

– Пришел предложить сделку, – он мгновенно собрался и перестал паясничать. – Я вытаскиваю тебя из-за решетки, добиваюсь полного снятия всех обвинений и обеспечиваю молчание газетчиков.

Он произнес это так, что Дженни ни на секунду не усомнилась: все перечисленное Рауму вполне по силам.

– И что взамен? – спросила она.

И так ясно, что Раум захочет взамен секса, но пусть скажет это сам. Вслух.

Ей показалось, что демон немного смутился под ее обвиняющим взглядом. Но скорее все же показалось. Чтобы Раум ди Форкалонен и смутился?

– Всего лишь рабский контракт на год, детка, – демон подмигнул, снова превращаясь в неприятно развязного типа. – Согласись, год в обмен на целую жизнь – это совсем немного.

Раум всматривался в ее лицо и ждал ответа. Проклятый антимагический щит блокировал, кроме всего прочего, и эмпатию, и это раздражало. Мешало, выводило из себя.

Что она ответит? Как отнесется к его предложению?

Откажется, скорее всего. Придется поторговаться, пойти на уступки. Главное, чтобы Дженни не догадалась, что Раум вытащит ее в любом случае.

Он понял, что сделает это, еще когда только получил сообщение от главы службы безопасности о ее аресте. Вытащит даже если рыжая виновна. И не важно сколько придется заплатить...

“Закончилось немного раньше”? Ха! Если бы. Но сказать женщине: “Детка, я сорвал переговоры, чтобы вытащить тебя из тюрьмы” будет ошибкой. Огромной стратегической ошибкой.

Раум еще узнает цену, в которую ему обойдется этот фортель. Позже, когда доберется до дома и свяжется с отцом. Впрочем, демон с самого начала понимал, чем рискует. Понимал, когда изворачивался и врал в лицо недоумевающе-

му будущему партнеру, сбегал с переговоров, поставив под угрозу сделку, которую они с отцом готовили месяцами, и гнал автомобиль через полконтинента, чтобы лично сделать то, для чего достаточно одного ушлого адвоката с хорошо подвешенным языком.

А если недостаточно? И кто поручится, что без его призора эта рыжая заноза с шилом в очаровательной попке не влипнет в новые неприятности?

В первый раз он чуть было не сорвался, когда получил известие о неудачном бракосочетании. Хотелось расписать мальчише Маккензи смазливое личико и переломать кости, объясняя, что не следует посягать на чужих женщин. Но вспышка злобы скоро улеглась. Раум трезво рассудил, что поступок щенка только на пользу. Без поддержки клана рыжая станет куда сговорчивей. А главное – прекратит вспоминать своего ненаглядного Чарли к месту и не к месту.

Хорошо же. Просто отлично.

Кто мог ожидать, что и недели не пройдет, как Дженни влезет в такую задницу, из которой ее не сможет вытащить даже приставленная охрана?

Все эти дни Раум думал о ней. Засыпал с мыслями о дерзкой девчонке, как изысканное вино смаковал воспоминания о ее теле, столах, вздохах, гриве темно-рыжих спутанных кудряшек. И скучал. Отчаянно скучал по ее голосу, улыбке, запаху, вкусу эмоций. Даже по ее упрямству.

Наваждение? Блажь?

Может быть. Но демон уже знал, что не отпустит Дженнифер в следующий раз.

Он ожидал найти рыжую в истерике и панике. Надеялся появиться в жизни Дженни-почти-преступницы таким спасителем, рыцарем на красной “Манतिकоре”. Но девчонка казалась спокойной, разве что немного усталой и бледной. Платье смято, волосы спутаны и только зеленые глаза полыхают все тем же неукротимым огнем.

При виде нее Раум почувствовал восхищение. А еще нежность – ненужную, нежеланную. И чтобы избавиться от этого дурацкого, совершенно непрошенного чувства, заговорил намеренно насмешливо.

А она ответила в тон. Да еще ввернула дерзость, за которую ее немедленно захотелось поцеловать. И отшлепать. А потом снова поцеловать.

Не важно откуда и почему взялось это наваждение. Раум просто знает, что эти упрямо сжатые пухлые губы, сердито сверкающие глаза, совершенное тело под бесформенные тряпки и грива спутанных рыжих волос должны принадлежать ему. И самый простой способ добиться этого – контракт на рабство.

– Ничего себе! – в голосе девушки зазвучала злость пополам с насмешкой. – Я-то думала ты всего лишь захочешь меня трахнуть в обмен на помощь.

– А я и хочу тебя трахнуть, – немного искренности не помешает. Женщины млеют от подобных признаний, хоть и

любят изображать возмущение. – Хочу брать тебя снова и снова. Воплотить наяву все твои самые грязные сексуальные фантазии, в которых ты не решаешься признаться даже себе, Дженни-хорошая-девочка, – демон склонился, пожирая девушку взглядом, и заговорил вкрадчиво, почти мурлыкая. – И разве я не обещал тебе постель с лепестками роз?

Наверное, если бы не было слов про контракт на рабство минутой раньше, эта речь показалась бы Дженни восхитительно бесстыдной. Глупо врать себе, Раум притягивал ее, а его вожеление казалось не столько оскорбительным, сколько лестным. Даже сейчас, когда она знала, что все это – следствие дурной игры гормонов. Приятно же видеть, как сильный и привлекательный мужчина, о котором грезит половина твоих знакомых, теряет от тебя голову.

Если бы не контракт...

Подкатили слезы, но девушка стиснула зубы, чтобы не дать им воли. Еще не хватало расплакаться перед ди Форкалоненом.

Вот для чего он пришел. Узнал, что она в безвыходной ситуации и решил воспользоваться возможностью. Обзавестись безотказной игрушкой, а заодно снова унижить. Демон есть демон. Какой глупой, идиотской была надежда, вспыхнувшая в ее душе, когда Дженни увидела Раума в комнате свиданий. И как горько на вкус разочарование.

Ничего. Она справится, она и с этим справится. Главное сейчас забиться куда-нибудь подальше, пересидеть это в оди-

ночестве, зализать раны.

– Постель с лепестками роз для рабыни? – Дженни криво ухмыльнулась, из последних сил удерживая на лице равнодушную маску. – Как мило. Мой ответ – нет.

– Что?! – он выглядел сбитым с толку. – Детка, ты уверена, что правильно меня поняла? Я предлагаю год весьма милых сексуальных безумств в обмен на целую жизнь.

– Уверена, – она встала, снова ощущая безмерную усталость. А еще легкую брезгливость. – Думаю, на этом мы можем закончить. Позови охрану, пусть проводит меня в камеру.

ГЛАВА 9

Нет, он и не надеялся всерьез, что Дженни согласится на первое же предложение. Готов был поторговаться, пойти на уступки. Но такой реакции не ждал. Насмешка, вызов, живой огонек в глазах девушки – все мгновенно исчезло, сменилось разочарованием и легкой брезгливостью.

Раум вдруг понял: все. Она не играет, она действительно готова уйти. И торговаться, выбивая крохи свободы и послаблений, как он ожидал, не станет. С ней нельзя так. Дженни-гордая-штучка скорее умрет, чем позволит надеть на себя ошейник. И если он не хочет потерять все, чего успел добиться, превратиться в ее глазах в моральное ничтожество вроде Маккензи, нужно действовать сейчас. Немедленно.

– Детка, подожди! – он вскочил, в два прыжка пересек комнату и встал на пути у девушки. – Это шутка.

– Шутка? – она не поверила, но хотя бы остановилась, и демон заговорил быстрее, отвлекая ее от мыслей о рабском контракте.

– Именно. Довольно глупая, признаю. Давай забудем, считай, что тебе послышалось. Вообще-то, я хотел предложить совсем другое. Как насчет того, чтобы в обмен на помощь стать моей девушкой?

Одно удовольствие было наблюдать за тем, как распахи-

ваются глаза в безмерном изумлении, разжимаются упрямо сжатые губы – он бы поцеловал их сейчас, если бы не уверенность, что в ответ прилетит как минимум оплеуха. Дженни-девочка-с-характером.

– Твоей... кем? – изумление уже прошло и теперь девчонка уставилась на него с подозрением.

– Девушкой, – пояснил он с невинной улыбкой. – На ближайший год. По контракту, разумеется. Я, знаешь ли, предпочитаю договорные отношения и взаимные обязательства сторон.

При упоминании контракта рыжая снова помрачнела. Но не стала вырываться, когда он заставил ее опуститься на стул, с силой надавив на плечи. Села, поглядывая на него настороженно, словно ожидала подвоха.

– И что будет входить во взаимные обязательства сторон?

– Ну...

Да он как-то не думал пока. Не рассчитывал, что придется уступить так много и сразу. Придется импровизировать.

– Ты официально становишься моей девушкой. Встречаешься только со мной. Отшиваешь всех парней, которые вздумают к тебе подкатить. А лучше говоришь мне. Я сам с ними разберусь.

– А ты? – спросила эта рыжая зараза. – Или у нас верность в одностороннем порядке?

– В одностороннем, детка. Я свободы лишаться не намерен.

Дженни безразлично пожала плечами

– Хорошо.

Легкость, с которой она согласилась, задела демона. Могла бы хоть для вида поспорить в этом вопросе. Он бы, конечно, не уступил, но приятно знать, что ее это волнует...

– Что еще?

– Ты переезжаешь в мой особняк.

Это ей явно не понравилось, но она и тут смолчала.

– Сопровождаешь меня на всякие мероприятия и вечеринки.

– Только если это не мешает учебе, – вставила Дженни. – И я хочу иногда иметь свободные вечера для встреч с подругами.

Раум восхищенно покачал головой. Она еще и торгуется! Вот ведь характер!

– Годится. Еще ты принимаешь от меня подарки. Не споришь со мной в присутствии посторонних. И главное: мы спим в одной постели.

На последних словах девушка снова напряглась.

– Просто спим? – уточнила она осторожно. – Или...

– Ну разумеется, не просто спим, – он даже расхохотался от бредовости этого предположения. – Детка, я же не евнух, чтобы “просто спать” в постели с красивой девушкой, которая мне к тому же безумно нравится!

От этого признания на щеках рыжей вспыхнул довольный румянец. Но почти сразу же Дженни помрачнела и поникла.

– То есть слова “Будь моей девушкой” на самом деле означают “Будь моей любовницей”? – горько уточнила она. – Да еще по контракту.

– Ну да, – Раум нахмурился, искренне недоумевая, что ей не нравится. Против того, чтобы жить вместе она не возражала, значит, дело не в репутации. Да и быть любовницей высшего демона совсем не то же самое, что нищего клерка. Дженни вроде не дура, должна понимать разницу. Вторых презирают, первым завидуют.

– Нет.

– Опять нет? – изумился демон. – Но почему?

Да что с ней такое! Он и так предложил ей больше, чем предлагал любой другой женщине!

Вместо ответа, девушка сжала кулаки и отвела взгляд.

– Детка, в чем дело? Только не надо заливать, что я тебе противен или еще какую-нибудь откровенную фигню. Мы оба знаем, что это не так.

– Я не хочу с тобой спать.

– Угу, мы оба видели, как ты “не хочешь” в прошлый раз.

– Я не хочу заниматься с тобой сексом, Раум, – повторила она, поднимая на него несчастный затравленный взгляд. – И в прошлый раз не хотела. Если ты не помнишь, я сбежала в лес, чтобы ты меня не заставил.

– Вот оно как... – протянул демон. – То есть: давай-ка проясним. Всем остальным, кроме секса, ты заняться не против? Ну, я про наши шалости в машине. Или в ванной.

Девушка помолчала, а потом обреченно кивнула.

– Хочешь выйти замуж девственницей?

Еще один кивок.

Вот и разгадка ее неприступности. Было бы смешно, если бы не было так грустно. Рауму уже встречались подобные дамочки. Пробы ставить негде, опыт такой, что демону впопру позавидовать, но гордится тем, что мужу достанется девственницей. Мда... он как-то не думал, что Дженни настолько ханжа.

Плевать! Он все равно хочет рыжую, и ради этого готов сыграть по ее правилам. Тем более что в запасе целый год, а за год чего только ни случится. Девочка восхитительно чувственная, отзывчивая и, Раум готов поклясться, что она его хочет. А если так, то дело за малым – уговорить недотрогу.

Он приручит ее. Обольстит, очарует, развратит и получит то, что по праву должно принадлежать ему.

– Тогда предлагаю компромисс, – со смешком произнес демон. – Мы спим в одной постели. И не только спим, а занимаемся в ней всем чем угодно, кроме непосредственно секса. Сексом только по твоему желанию, Дженни-недавалка.

– Это как? – она подняла на него растерянный взгляд.

– А вот так, – Раум искушающе улыбнулся, склонился над девушкой и взял ее лицо в ладони. Она чуть вздрогнула, но не сделала попытки отпрянуть, и это показалось ему хорошим признаком. – Я уже говорил, что удовольствие друг другу можно доставить очень разным способом. Разве тебе не

понравилось в прошлый раз, Дженни-конфетка?

– И ты не будешь настаивать? – потерянно пробормотала она, чувствуя, как даже от этого невинного прикосновения мысли разбегаются, а по телу разливается томительная слабость.

Непристойное, возмутительное предложение. Приличная девушка просто обязана его отвергнуть. Но вот парадокс – Дженни описанная демоном картина показалась восхитительно возбуждающей и бесстыдной. Снова вспомнились взаимные ласки в машине, горячий шепот на ухо. И волчица – вот ведь проклятая похотливая тварь – довольно заурчала где-то внутри.

– Буду, Дженни-упрямица, – пообещал он, наклоняясь еще ниже, почти касаясь губами губ. – Но я не сделаю ничего против твоего желания. Только если сама попросишь.

Гулкие удары сердца отдавались в висках. От этого обещания, сказанного хрипловатым вкрадчивым голосом, по коже пробежала дрожь возбуждения и внизу живота сладко заныло. Демон по-прежнему нависал над Дженни, но это не раздражало. Наоборот, хотелось, чтобы он стал ближе, еще ближе. Обнять его, уткнуться носом в щеку, раствориться в объятиях и скинуть на его плечи весь этот невозможный груз проблем.

Но Раум ди Форкалонен – ее пара. Ее будущий повелитель и тюремщик, если Дженни будет настолько неосторожна, что заиграется и позволит ему лишнее. Он – последний из всех

мужчин в мире, с кем она может позволить себе подобные отношения.

И все же отказаться от его предложения – слишком большая роскошь в ее положении.

Сумеет ли Дженни устоять перед искушением, если Раум постоянно будет рядом? Сможет сказать “нет”, когда коварный соблазнитель и предательница-волчица будут на два голоса убеждать ее не сопротивляться, отдаться?

Придется. Стоит уступить хотя бы раз, и она станет собственностью Раума навсегда.

Дженни непроизвольно облизнула пересохшие губы, поймала потемневший взгляд демона и забыла, как дышать.

– Шесть месяцев, – пробормотала она.

– Что?

– Не год. Контракт на полгода.

К моменту окончания контракта у нее останется месяц, чтобы подать документы о переводе в Вестфилд и прошение о стипендии. Если все сложится удачно, в следующем году Дженни уже не будет Аусвейле. И там, на новом месте, никто не будет знать про их связь, никто не упрекнет ее за то, что она была любовницей демона.

– Договорились, Дженни-торгаш, – нежно прошептал демон. И, наконец, склонился, чтобы коснуться ее губ.

“Это будут очень трудные шесть месяцев”, – поняла Дженни, отвечая на поцелуй.

ГЛАВА 10

В гневе Оуэн Маккензи никогда не бушевал. Не бил кулаком по столу, даже не повышал голос. И все же при взгляде на его закаменевшее лицо Чарли хотелось упасть на пол и заскулить.

Вожак в ярости. Быть буре.

– Итак, – медленно сказал отец. – Ты проиграл восемьсот тысяч золотых, которых у тебя не было.

– Да, – выдавил Чарли.

– Позволил волчице из своей стаи заплатить за тебя этот долг?

– Да.

– А потом наплевал на данное мне обещание и желание самой девушки и попытался заставить ее выйти за тебя.

Чарли опустил голову. Взгляд отца жег, как раскаленные угли, а слова резали хуже ножей. Но больней всего было от разочарования, которое читалось теперь на лице вожака.

А ведь Чарли так хотел, так мечтал стать достойным. Чтобы отец и клан гордились им...

“Ну кто тебя заставлял возвращаться домой с повинной? – снова занудел в голове мерзкий голосок. – Они бы ничего не узнали”

“Я должен все исправить и спасти Дженни!”, – упрямо

огрызнулся наследник Маккензи.

– Посмотри на меня, сын.

Не в силах противиться приказу вожака, юноша поднял взгляд.

– Ты знаешь для чего нужен Императив? Когда его следует применять?

– В самых крайних случаях, – пробормотал он. – Для спасения всей стаи.

– Прибегнувший к Императиву в личных целях не может быть вожаком. Мне жаль, сын. Я ничего не могу сделать. Да и не стал бы, если б мог.

Оборотень кивнул. Он знал законы луны, знал своего отца и не ждал ничего другого, но в глазах все равно почему-то зашипало. Будущее, которое он представлял, как широкую и светлую дорогу, обернулось непроглядным черным туннелем, по которому Чарли летел куда-то вниз, не в силах остановиться.

– Кто будет вожаком? Дерек?

– Не знаю, – отец растер ладонями лицо, а Чарли вдруг понял, что буря миновала. Не будет ни криков, ни иного наказания, кроме того, на которое он обрек себя сам. – Дерек еще мал и он не похож на лидера. Стая не пойдет за ним. И я не вижу в клане достойных молодых волчат. Быть может, муж Луизы, если мне удастся сговорить ее за второго сына Макгаррета.

Подчиняться мужу младшей сестры? Чарли скривился.

Нет, Чак Макгаррет – неплохой парень, но...

Но это не его клан. Не его волки. Он не знает их так, как знает Чарли, не живет их проблемами, не рос вместе с ними. Они не признают его вожаком.

– Надо собрать совет кланов, – мрачно продолжал Оуэн. – Объявить о смене наследника.

– Отец, подожди! – осталось одно – самое важное. То, ради чего он вернулся домой, оставив академию посреди учебного года. – Дженни! Мы должны снять печать изгоя! Должен быть способ...

Оуэн медленно покачал головой.

– Если способ и есть, я его не знаю. Нужно спросить Говорящего-с-Луной.

Юноша вздрогнул. Его, родившегося в эпоху магического прогресса, шаманы-медиумы, практиковавшие прадедовские методы общения с тонким миром, скорее пугали.

Сейчас их совсем мало. Один Говорящий на десяток кланов, а то и того меньше. Косматые седые старики и старухи в одеждах из шкур. Изрезанные ритуальными шрамами щеки, татуировки по всему телу и полубезумный взгляд. Взгляд, способный видеть сотни незримых связей, соединяющих все живое и неживое на земле.

В их хижинах пахнет мескалином и отваром из мухоморов. Стены увешаны амулетами и грубыми резными масками, а вход в дом охраняют два волчьих черепа, насаженные на длинные колья.

Раньше шаманов уважали и почитали больше, чем вождя. Племя, в котором жил Говорящий-с-Луной было сильнее и удачливее соседей, в нем реже умирали дети, женщины благополучно разрешались от бремени, скотина не дохла от мора, а охотники всегда возвращались с добычей. Так было до тех пор, пока анхелос не подарили миру классическую магию, изменив жизнь всех рас к лучшему.

Нынче шаманы редки. Кому охота пить дурманящие разумы зелья и часами медитировать, уставившись на луну, жить отшельником, медленно превращаться не в человека и не в зверя, во что-то третье, потустороннее, когда можно постигать магию с друзьями в чистенькой академии, разбавляя обучение вечеринками и студенческими шалостями.

И все же как ни негодовали светила магической науки на “суеверный несистемный подход”, даже они не могли отрицать: шаманам доступно то, перед чем пасуют лучшие маги современности.

– Мы соберем совет кланов. Примем решение по поводу нового наследника, а потом ты отправишься на земли Маккуин и попросишь шамана о помощи, – жестко подытожил Оуэн Маккензи. – Это меньшее, что ты можешь сделать для дочери Бренды.

Через полчаса после того как Дженни подписала “контракт на оказание эскорт-услуг” – так обтекаемо на бумаге назывались обязательства стать любовницей демона (Или

почти любовницей? В пункте “интимные отношения сексуального характера” отдельно значилось, что они “происходят по взаимному согласию сторон”) – ее выпустили под залог.

– Залог – это временно, – пообещал Раум, обнимая ее за плечи. – Мои юристы уже работают. Завтра же обвинение будет снято. В этом деле больше дырок, чем в бершадском сыре. Любой нормальный законник вытащил бы тебя за несколько часов.

– То есть ты меня обманул? – угрюмо уточнила девушка.

– Почему обманул? Просто не стал информировать.

От самодовольной ухмылки на лице демона захотелось зарычать, но контракт не подразумевал расторжения. Ловушка захлопнулась.

– А что с покушением на убийство? – уточнила она, вспоминая угрозы офицера Такшери.

– С чем? – демон так искренне удивился, что Дженни задалась вопросом читал ли он вообще ее дело.

– С той женщиной, которую я покалечила. Мартой...

– А ты кого-то покалечила, детка? – он присвистнул. – Ну дела. Сейчас, погоди.

Он подозвал своего адвоката – подтянутую немолодую женщину с короткой стрижкой и взглядом акулы-людоеда.

– Нет, никакого покушения на убийство в материалах обвинения не значится, – категорически ответила дама-адвокат. – В личном деле стоит отметка о драке в камере.

– Но я видела – ее унесли на носилках...

– Деточка, – в голосе дамы зазвучали снисходительные нотки. – Драки между оборотнями за территорию – обычное дело. Донесли до лазарета, перевязали, вкололи регенератор и вернули в камеру. Никто не станет поднимать бучу из-за подобного.

От облегчения ослабели ноги. Дженни покачнулась и невольно оперлась на демона. Он охотно обнял ее за талию.

– Держись, маленькая. Осталось совсем немного.

– Спасибо, – пробормотала девушка, пряча лицо у него на груди.

Она ведь тоже не железная в конце концов! Сколько еще придется держаться, быть сильной? Можно хоть раз стать и маленькой рядом с Раумом. Не находишь они все еще в полицейском участке, Дженни, наверное, даже поплакала бы в его объятиях, выпуская со слезами пережитое напряжение, отчаяние и страх. Но заниматься чем-то подобным на глазах у копов или дамы-адвоката было стыдно.

А вот просто опираться на него не стыдно. И вырывать-ся из объятий Раума совершенно не хотелось. В них как-то спокойно, уютно. Не потому, что он ее пара. Просто рядом с ним девушка впервые за последние несколько недель поймала чувство умиротворения и покоя. Словно демон встал рядом каменной стеной, даруя защиту, которую она всегда раньше ощущала от клана.

Еще сильнее Дженни почувствовала его поддержку, когда в коридоре они вместе с Раумом встретили офицера Такше-

ри.

– Рейд?! – джинн нахмурился и встал так, чтобы перегородить проход. – Какого василиска, мать его?! Ты должна быть в карцере!

– Здравствуйте, офицер, – она невинно улыбнулась. – Меня выпустили под залог. Сейчас мой настоящий, – она сделала ударение на этом слове, – адвокат разбирается по поводу нарушения моих прав и условий содержания. Как ваши успехи в поимке наркоторговцев?

Джинн посмотрел на нее, перевел взгляд на стоящего рядом демона и ощутимо побледнел. Точнее, посерел.

– Пока под залог, – Раум о подоплеке ситуации не знал, но витавшее в коридоре напряжение почувствовал и обнял Дженни, как бы обозначая, что девушка находится под его защитой. – А что там за нарушения прав, детка?

Офицер Такшери нервно сглотнул, буркнул, что ему надо идти и зашагал по коридору с почти неприличной для его массивных габаритов скоростью.

– Расскажу по дороге.

Как странно было выйти из пропахшего тоской и дезинсекторским порошком здания тюрьмы на залитую солнцем мостовую. Несколько дней в застенках без окон, сон урывками и постоянный страх заставили девушку утратить ощущение времени. Она думала на улице давно глубокая ночь, а на самом деле утро.

Сколько же времени прошло с момента ее ареста?

– Три дня, – подсказал демон.

Три дня?! Ей казалось, минимум месяц.

А потом Дженни вспомнила про академию, схватила за голову и застонала.

– Три дня?! Богиня, а как же учеба?! У меня же вчера был практикum! Что я скажу магистру?!

Эта жалоба отчего-то очень насмешила демона.

– Не бойся, детка, я все устрою, – пообещал он, жестом вежливости распахивая перед ней дверь автомобиля. – Зря что ли мой папаша протектор Академии?

Взревел движитель, “Мантикора” сорвалась с места и влилась в поток машин.

Включенный постогограф помигал и разродился двумя десятками пропущенных сообщений. Все от Вэл.

“Я на месте. Где ты?”

“Еще пятнадцать минут, и я съем всю пиццу”

“Слушай, Джен, если загуляла, то надо предупредить. Я же волнуюсь!”

“Можешь не приходить, уже убегаю. Познакомилась кое с кем! А твою пиццу мы съели, так и знай, нечего опаздывать!”

Еще несколько сообщений во все более и более восторженном тоне описывали достоинства нового знакомого Вэл. А потом, внезапное:

“Не приду на лекции. Прикрой меня, будь подругой”

И следующее за ним:

*“Он невероятен! Он потрясающий! Я хочу за него замуж!
И троих детей!”*

Последнее сообщение значилось сегодняшним днем и объясняло почему отсутствия Дженни так никто и не хватился.

“Мы немного загуляли, но завтра я буду обязательно. Пожалуйста, скажи магистру, что я болею”

Девушка грустно усмехнулась. Сильфу даже не встревожило, что ни на одно ее сообщение не было ответа. Как знакомо...

Когда Вэл влюблялась, она становилась похожей на тетерева на току. Все, кроме избранника и чувств к нему, теряло смысл, все разговоры сводились, так или иначе, к самому прекрасному мужчине на свете. И все, что не имело отношения к герою ее романа просто выпадало из поля зрения сильфы, словно подруга надевала невидимые шоры. Проголутать неделю учебы ради любимого? Да легко! И неважно, что потом будут проблемы.

Это не любовь, это помешательство какое-то. Интересно, если Дженни согласится на секс с Раумом, она станет такой же чокнутой?

Она отложила постограф и повернулась к демону
– Так вот, по поводу нарушений. Думаю, твоим юристам лучше знать об этом. Тем более, если дело шито белыми нитками, как ты говоришь.

От рассказа о предложенной муниципальным адвокатиш-

кой “сделке” и пережитом в заключении прессинге Раум сделался мрачнее тучи.

– Кто-то очень хотел засадить тебя за решетку, детка, – он громко выматерился. – Хорошо, что у тебя хватило мозгов ничего не подписывать. В случае чистосердечного, даже я не смог бы помочь, а лжесвидетельствование – это...

– Что?

– Лучше тебе не знать, рыжая, – демон щелкнул ее по носу и свернул с шоссе к особняку. – Кстати, мы почти дома.

ГЛАВА 11

Дом? Это пахнущее уютом, маминой выпечкой и безопасностью слово совсем не подходило к мрачноватому готическому особняку.

Дженни шагнула из обитого кожей нутра машины на растрескавшиеся каменные плиты и прищурилась, оглядывая свое будущее жилище. Слишком большое, заблудиться можно. Наверное на единственного обитателя особняка эти бесконечные пустые комнаты и мебель в чехлах нагоняли тоску, не зря же Раум купил квартиру в центре столицы.

– Мы будем жить здесь? – уточнила она на всякий случай. – Не в городе?

– Здесь, сладенькая. Квартира мне нужна для того, чтобы водить девок и устраивать пьянки. Не люблю таскать всяких... – тут он поморщился, – на свою территорию.

– А-а-а... – протянула Дженни, не зная как реагировать на такое откровение.

Она вообще не очень понимала, как теперь себя с ним вести. Чувство благодарности смешивалось со злостью на то, как легко демон провел ее. Получается, что настоящей опасности не было, раз уж она отказалась подписывать наветы.

Но злость была несерьезной, благодарность ощущалась куда сильнее. Кто, знает, какую пакость еще придумал бы

крысоподобный адковатишка вместе с офицером Такшери, если бы не Раум? У полиции много возможностей подставить заключенного или сделать его жизнь по-настоящему невыносимой.

Следуя за демоном, она поднялась по полукруглой мраморной лестнице на второй этаж, то и дело искоса поглядывая на своего любовника. Или не любовника? Работодателя? Мужчину? Как его правильно называть-то? Интересно, Раум сразу же потащит ее в постель или сначала хотя бы в ванную отпустит?

Вымыться хотелось невыносимо. Кожа под одеждой неприятно чесалась и казалась липкой. Сорвать бы с себя пропахшее тюрьмой платье, встать под горячие струи. Чтобы воспоминания о днях безнадежного отчаяния утекли вместе с водой.

Демон остановился перед одной из дверей, приобнял девушку за плечи, заглянул в глаза.

– Голодная?

– Ужасно, – призналась она. Три дня на безвкусной серой каше кого угодно заставят оголодать. – А еще я хочу в душ.

“И спать”, – мысленно добавила Дженни. Вытянуться на нормальной кровати после двух ночей на стуле хотелось просто невыносимо. Но упоминать при Рауме вслух кровать – это дразнить голодных тигров.

– Минут через десять все будет, – он приглашающе распахнул дверь. – Твоя комната, сладенькая.

Комната, как комната. Уютная, обставленная в классическом стиле и безликая, как номер люкс в дорогой гостинице. Больше всего Дженни понравилась кровать – огромная, на такой вчетвером можно спать. Даже укрытая тяжелым покрывалом она казалась восхитительно мягкой и удобной. Бесстыдно соблазняла белоснежными простынями, манила прилечь.

Сразу после кровати вниманием девушки безраздельно завладела дверь в ванную. Дженни шагнула к ней, уже предвкушая, как смоет с себя пот и тюремный запах.

– Моя спальня по соседству. Станет скучно – заходи, – раздался насмешливый голос демона за спиной, а потом на плечи легли тяжелые ладони. Раум откинул с ее шеи волосы, поцеловал и поморщился.

– Да уж, душ точно не помешает. Пахнешь отнюдь не розами.

– Посмотрю чем ты будешь пахнуть после трех дней в кузке, – беззлобно огрызнулась Дженни. – Извини, я мыться.

Вопреки ее опасениям, демон не пошел за ней. И не ломился в дверь с требованием поторопиться, поэтому она провела в ванной почти сорок минут, сначала стоя под горячими струями, а потом отмокая в бурлящей ароматной воде. В белоснежном шкафчике у стены оказалось множество баночек и бутылочек с весьма завлекательными этикетками, и Дженни не отказала себе в удовольствии опробовать их благоухающее содержимое. Вряд ли Раум станет возражать, ему

же самому потом приятнее будет...

Кроме баночек там нашлась бритва. Обнаружив этот более чем прозрачный намек от хозяина дома, девушка скривилась, но все же воспользовалась ею. С демона станется и самому ее подбрить, а выслушивать остроты по поводу лишней волосатости точно не хотелось.

Она задумалась, пытаясь понять свое отношение к стремительным переменам, ворвавшимся в ее жизнь. Всего за две недели она успела превратиться сначала в изгоя, потом в преступницу и вот теперь стала любовницей.

Любовница? Какое-то смешное и глупое слово. Раум прав – “девушка” звучит лучше. Да и можно ли Дженни называть любовницей демона, если настоящего секса у них нет и не будет?

Она вздохнула, поняв, что затягивает выход из ванной, из нежелания встречаться с ди Форкалоненом. Все равно вечно прятаться нельзя. Интересно, получится ли объяснить демону, что конкретно сейчас у нее нет ни настроения, ни сил на любовные игры? Не сочтет ли он это попыткой уклониться от выполнения условий контракта с ее стороны?

Наконец, голод и усталость возобладали. Завернувшись в полотенце и навертев на мокрую голову тюрбан, Дженни выглянула в комнату и облегченно выдохнула. Раума не было.

Зато в комнате обнаружился накрытый стол с роскошным обедом. От запаха, который источал стейк, впору было захлебнуться слюной. Девушка плюхнулась на стул и с урчани-

ем вцепилась в кусок мяса. Неприлично и плевать. Все равно никто не видит.

После стейка пришел черед картофеля под сырным соусом. К салату с креветками Дженни уже насытилась настолько, что вспомнила о существовании столовых приборов. Обтерев жирные пальцы о салфетку из плотной белой ткани (одноразовая бумажка, которую можно смять и выкинуть гораздо удобнее, но у богатых свои причуды), она зависла над набором из нескольких разнокалиберных вилок, гадая какой именно полагается пользоваться в данном случае.

Мда, а ведь Раум упоминал, что в обязанности “его девушки” входит сопровождение демона на всякие мероприятия. Придется подучить правила этикета, если она не хочет опозориться сама и опозорить своего спутника.

После сытной еды, которую к тому же полагалось запивать вином, Дженни начала клевать носом. А поскольку демона, желающего немедленно требовать все, что ему полагалось по контракту, в окрестностях по-прежнему не наблюдалось, девушка скинула полотенце, нырнула под хрустящее от чистоты одеяло и провалилась в сон.

Проснуться от нежного прикосновения губ к губам – это очень романтично. И приятно, да.

– Я забыла почистить зубы перед сном, – предупредила Дженни, отстраняясь, когда демон захотел углубить поцелуй.

От негромкого мужского смеха по телу побежали щекот-

ные возбуждающие мурашки. Дженни открыла глаза.

Горел ночник на тумбочке у кровати. За окнами стояли глубокие сумерки, а на краю постели сидел демон и смотрел на Дженни так, что мурашки забегали вдвое быстрее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.